

СВЕТЛАНА КАЗАКОВА
ИРИНА ШЕВЧЕНКО

СУДЬБА НА ВЫБОР

Светлана Казакова

Судьба на выбор

«Автор»

2025

Казакова С.

Судьба на выбор / С. Казакова — «Автор», 2025

Из учениц пансиона — в невесты? Как бы не так! Мечта Гвендолин — написать книгу, а такое увлечение едва ли позволительно жене аристократа. Выход найден — обменяться местами с подругой и под чужим именем отправиться в деревню, где нужна учительница. Вот только вместо тишины и покоя там её ждут опасности, уроки магии и... любовь. От автора: События в этой истории не связаны с предыдущими книгами, но читатели цикла будут рады встрече с некоторыми знакомыми героями. Книга написана в соавторстве с Ириной Шевченко.

© Казакова С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	45
Глава 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Светлана Казакова

Судьба на выбор

Пролог

Ничто не предвещало дурного.

Гвендолин перебирала свой скромный гардероб, размышляя о том, что тот безнадежно отстал от моды. Иногда в пансион попадали журналы, так что судить об этом прискорбном факте можно было со всей очевидностью. Но для того, чтобы встретиться с подругами, которым, как и Гвен, предстояло вот-вот покинуть пансион, годился любой из её нарядов. На счастье девушек, к выпуску требования к старшим ученицам упростились, и вместо того, чтобы, зевая, сидеть на занятиях, те могли спокойно собраться в предназначенной для досуга общей гостиной, поболтать и помечтать о грядущем, которое пока рисовалось далеко не в тёмных тонах.

Гвендолин была уже в дверях, когда ей доставили письмо.

«От дядюшки!» – преждевременно обрадовалась она и тут же распечатала конверт с надеждой обнаружить внутри хрусткую купюру. Та действительно наличествовала, однако вместе с деньгами лежало письмо, прочитав которое, Гвен не удержалась от вскрика. Уж чего-чего, а такого она от опекуна не ожидала – во всяком случае, так скоро.

«Гвендолин! – гласило послание, написанное экономным мелким почерком. Никаких тебе «милая Гвен» или «дорогая племянница». – Ты уже совершеннолетняя и получила достойное образование, на которое я, надо заметить, не поскупился. В последнем письме ты заявила, будто собираешься, дабы возместить мои убытки на твоё обучение, поступить на службу гувернанткой или учительницей. Однако я не могу позволить тебе позорить меня этим. Я считаю, что каждая девица, пока в её голове не завелись несправедливые мысли или, упаси высшие силы, пустые мечтания, должна выйти замуж. Что ты и сделаешь в ближайшее время. Жениха я уже подыскал. Он довольно богат и знатен, если тебя интересует его положение. К тому же, твой будущий супруг настолько благороден, что даже отказался от приданого, которое я собирался тебе выделить».

Девушка всхлипнула. Рука с зажатым в ней письмом безвольно свесилась с подлокотника стула, на который Гвендолин рухнула, поражённая внезапным известием. Прямо сейчас все её любовно выпестованные мечты превращались в клочки бумаги, которые сгорали в пламени, становясь пеплом.

– Нет! – вслух произнесла Гвен, поднимаясь на ноги. – Я не дам такому случиться! Я что-нибудь придумаю и непременно выкручусь!

Она выбежала в коридор и тут же столкнулась с возвращавшейся в их общую комнату соседкой. Идея даже не заставила себя ждать! Гвендолин нетерпеливо втянула подругу в спальню, закрыла дверь и для надёжности припёрла стулом, чтобы их не застали врасплох за крамольной беседой.

– В чём дело? – соседка недоумевающе захлопала глазами.

– Прочти! – Гвен сунула уже изрядно помятое письмо ей под нос. – Вот что я сегодня получила!

– О, мои поздравления! Какая удача! Ты скоро станешь невестой, и тебе совсем не придётся работать!

– Удача? А меня он спросил?

– Но, Гвен... – растерянно произнесла подруга. – Я думала, ты рада. Любая бы обрадовалась на твоём месте!

– И ты? – прищурилась Гвендолин.

– Конечно!

– Отлично, тогда займи моё место!

– Что?!

– Посмотри, как всё замечательно складывается, – принялась уговаривать её Гвен, всё больше преисполняясь восторгом при мысли о том, как вовремя появилась у неё эта задумка. – Дядя не навещал меня ни разу и понятия не имеет, как я выгляжу. А ещё у нас почти одинаковые имена – ты Гвенда, а я Гвендолин. Потому мы можем не забывать оборачиваться, когда нас позовут.

Должно быть, воспитательнице, когда-то поселившей их вместе, это казалось забавным. Да и внешне девушки были похожи. У Гвендолин, хрупкой и невысокой, было милое личико, ещё не утратившее детской округлости, каштановые с рыжеватым отливом волосы, светлые глаза и россыпь веснушек на щеках. Гвенда переросла подругу на дюйм, волосы её были немного рыжее, фигура – чуть плотнее, а глаза – карими, но эти отличия – сущие мелочи, особенно для того, кто никогда не видел ни одну из них.

– Ты сама сказала, что не отказалась бы быть той, кому адресовано письмо, – продолжала убеждать Гвендолин. – Вот я и предлагаю поменяться. Ты под моим именем отправишься к дяде и выйдешь замуж за его кандидата, а я под твоим поеду туда, куда тебя назначили на работу. Ты же мне все уши прожужжала о том, как тебе не хочется работать учительницей и возиться с сельской ребятнёй!

– Ты сошла с ума! – испуганно выпалила Гвенда. – Твой дядя догадается и выставит меня вон!

– Не догадается! Мы так долго прожили в одной комнате, что ты всё про меня знаешь. У нас даже почерки похожи, да и не зря же мы учились расписываться фамилиями друг друга.

– Но почему ты сама не хочешь?! – всплеснула руками подруга.

– Я никогда не думала выходить замуж так рано. Сначала собиралась поработать. И самое главное – если я стану чьей-то женой прямо сейчас, то могу не закончить свою книгу.

– О-о-о! – Гвенда закатила глаза. – Так и знала, что ты это скажешь!

– Супруг может решить, что написание романов – недостойное для женщины занятие. И потребует, чтобы я сожгла рукопись, чего я просто не переживу! А ещё я уверена, что ни один мужчина, даже самый богатый и знатный в королевстве, не сравнится с моим героем!

– Гвендолин Фолстейн! – вскричала Гвенда. – Твой герой – ненастоящий! Он никогда не пригласит тебя на танец и, уж тем более, не поведёт к алтарю! Всё закончится тем, что ты останешься старой девой, а, если твою историю возьмут в печать, то даже имени твоего на обложку могут не поставить! Попомни моё слово!

– Ну и пусть! Зато ты будешь счастлива! Только представь, Гвенда Грин, сейчас ты на пороге невероятной удачи и сама можешь выбрать свою судьбу. Стать сельской учительницей или женой обеспеченного человека. Ну же, соглашайся!

– Кажется, теперь и я начинаю сходиться с ума вместе с тобой...

– Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Я буду хорошо работать, вот увидишь! Стану жить просто, тихо и спокойно, а долгими вечерами дописывать свою книгу. И, конечно же, мы будем обмениваться письмами.

– Так вон оно какое – искушение! – прошептала Гвенни, прижимая ладони к покрасневшим щекам. – А я-то думала, про него только в романах пишут. О, Гвендолин, скажи, что ты пошутила!

– Я совершенно серьёзна, – заверила её Гвен. – Не упускай свой шанс! Сама знаешь – у покровительницы удачи волосы летят впереди неё, а не позади, так что за них не ухватишься, поздно будет.

– А если жених – настоящий альд?

– Вполне возможно.

– И молод, и хорош собой?

– Не исключено.

– Но ты всё равно от него отказываешься!

– Зато ты можешь согласиться! А если... Если тот мужчина окажется каким-нибудь ужасным чудовищем, обещаю, я приеду и расскажу правду. Но надеюсь, всё сложится хорошо, и ни ты, ни я даже думать не станем о том, что могли бы идти каждая своим путём. Мы перехитрим судьбу, Гвенни!

– Как ты складно говоришь! – вздохнула подруга. – Но, может быть, для начала у нас будет какой-то испытательный срок? Ведь не назначат же свадьбу сразу же после моего приезда? Правда? Так спешить даже неприлично!

– Верно! – поддержала её Гвендолин. – У тебя будет время присмотреться к наречённому. Так как, по рукам?

Она подарила Гвенде самую лукавую из своих улыбок и протянула руку.

Глава 1

В почтовой карете сильно трясло, и место попало не у окна. Гвендолин, которой пришлось нынешним утром встать раньше, чем обычно, рассчитывала поспать в дороге, но то, что ей это не удалось, не мешало приподнятому настроению, как и другие тяготы путешествия. Она морщилась от запаха прокисшего молока, исходившего от её дородной соседки, молча терпела, когда на остановках кто-то из попутчиков, покидая экипаж, наступал ей на ногу или на платье, тихонько охала, если карету подбрасывало на ухабах, а в мечтах уже видела себя в конце пути – в деревеньке Трелони. Думалось, что место, носившее столь гордое название, непременно окажется красивым и уютным, а его жители радушно примут новую учительницу. Но главное – Гвен взяла судьбу в свои руки и больше не зависела ни от денег опекуна, ни от его желаний. Гвенде, которая покинула пансион несколькими днями ранее и, должно быть, уже примеряла наряд для помолвки, она ничуть не завидовала. Гвендолин не мечтала о скором замужестве, хозяйстве и детях. Конечно, однажды всё это войдёт в её жизнь, но не скоро и не так – не с письмом никогда не виденного родственника.

Пока же единственным мужчиной, которого она видела рядом с собой, оставался Арчибальд. И сейчас Гвен ощущала ещё большее родство со своим героем. Ведь и ему пришлось шагнуть за порог родного дома, чтобы начать долгое путешествие, которому предстояло закончиться только в самом финале романа.

– Приехали! – ворвался в её мысли голос возницы.

С трудом переставляя отёкшие от сидения в неудобной позе ноги, Гвен выбралась из кареты, поставила на землю оттягивавший руку саквояж с вещами и книгами и огляделась.

– Постойте, но ведь это не деревня! – воскликнула она, поняв, что её высадили на приульившейся к опушке леса маленькой почтовой станции, при которой не наблюдалось даже трактира.

– Деревня там, – возница махнул в сторону широкой просеки. – Но карета туда не идёт.

– А как же я?

– Вас, верно, должны встречать. На телеге или как. Поищите.

На телеге? Гвен мысленно ужаснулась такой перспективе. Но, побродив вокруг станции и убедившись, что никто и не думал её встречать, обрадовалась бы не то, что телеге, – тачке, на которую можно сгрузить поклажу. Увы, даже тачки за ней из Трелони не прислали. А между тем, девушка уже начала замерзать. Весна началась лишь по календарю, и здесь, в северной части королевства, ещё не сошёл снег, а холод быстро напомнил о себе, щипая за щёки.

Гвендолин остановилась за углом покосившейся конюшни и закусила губу, размышляя, что ей делать дальше. Как бы поступил на её месте Арчибальд? Ему приходилось ночевать и на голой земле, так что он наверняка не растерялся бы. Но ведь Арчибальд – мужчина! Ему куда проще, чем ей.

Гвен самым постыдным образом всхлипнула. Мужчинам всегда проще. И магам...

Она спешно отогнала последнюю мысль и закрыла глаза, веля себе успокоиться. А когда открыла снова, перед ней возникло дивное видение: карета с гербом, запряженная четвёркой холёных лошадок.

Залюбовавшись, Гвендолин сама не заметила, как подошла поближе и очутилась прямо перед человеком, который вышел из кареты, не дожидаясь, пока кучер откроет ему дверь.

Мужчина отшатнулся и охнул от неожиданности.

– Простите, – пролепетала Гвен.

Незнакомец присмотрелся к ней, но успокоился далеко не сразу. Сгустившиеся сумерки не помешали увидеть, как он побледнел.

– Кто вы? – спросил он отрывисто, но тут же, устыдившись своей резкости, поинтересовался вполне учтиво: – Вы хотите мне что-то сказать?

Он выглядел намного старше Гвен, однако значительно моложе преподавателя истории и священнослужителя, бывшими единственными представителями мужского пола, с которыми она общалась в пансионе. Не слишком высокий, стройный, с правильными чертами лица и чуть тронутыми сединами тёмными волосами, очень прилично одетый, мужчина, если забыть о первых мгновениях встречи, производил приятное впечатление, и Гвендолин хотелось верить, что он не обратит внимания на её помятое в дороге платье с перепачканным в грязи подолом.

– Мне нужно в деревню Трелони, – сообщила она, поклонившись. – Я приехала, чтобы работать там учительницей, однако меня никто не встретил, а уже почти вечер, и я...

Гвен опустила глаза, боясь, что вот-вот расплечется от растерянности и досады. Ускользнуть от надзора дядюшки и попасть в такое положение!

– Вот как? – владелец роскошного экипажа оглядел её с головы до ног. – Значит, учить детей будет этакая птичка-невеличка? А имя у вас есть?

– Гвендо... Гвенда Грин.

– Вы уверены, что известили деревенского старосту о дате приезда?

– Это должна была сделать начальница пансиона, но, возможно, письмо ещё не дошло.

– Что ж, в таком случае подождите меня в карете, – распорядился незнакомец в полной уверенности, что она выполнит сказанное. – Я скоро вернусь.

– В вашей карете? – оторопела девушка. – Но...

– Моё имя Карлион Линтон, – разъяснил мужчина. – Я – сквайр деревни. Все её жители – мои арендаторы.

– Приятно познакомиться, альд Линтон! – пискнула Гвен, кланяясь ещё раз.

С полминуты поразмыслив, прилично ли будет находиться наедине с едва знакомым мужчиной, она всё же воспользовалась приглашением, юркнула в карету и заняла место в углу, мысленно позаимствовав чуточку храбрости у своего героя.

– Если вам холодно, возьмите плед, – сказал ей Карлион Линтон, прежде чем отойти.

Поёрзав на мягком сидении, чтобы устроиться поудобнее, Гвендолин отыскала плед и закуталась в него. Сразу стало теплее, но Гвен продолжала мелко дрожать – теперь уже от волнения. Всё прошло не так гладко, как это виделось в мечтах. А подобной встречи и вовсе не предполагалось.

Отодвинув с окошка занавеску, девушка следила за новым знакомцем. Тот неторопливо прошёлся до конюшен, затем – до крыльца станции. Несложно было догадаться, что он кого-то ждёт.

Спустя несколько минут, в течение которых, Гвен хоть и зевала, но продолжала неотрывно наблюдать за сквайром, к станции подъехал ещё один экипаж. Дверца его распахнулась, и с подножки на землю легко соскочил какой-то человек. По силуэту понятно было лишь то, что это мужчина, а по тому, как он двигался, – что он ещё не стар.

– Доброго вечера, сосед – донёсся до Гвен новый голос. – Не меня ли дожидаетесь?

– Вы хорошо знаете, что вас, альд Торнбран, – недовольно отозвался Карлион Линтон. – И уже давно.

– Разве я опоздал?

Внезапная вспышка осветила говоривших. Подняв над головой ладонь, от которой исходил яркий белый свет, новоприбывший другой рукой потянулся к карману за часами. Гвендолин отпрянула от окна и зажмурилась, вжавшись в сиденье.

Маг!

В этом не было ничего ужасного и ничего необычного, ведь магов в королевстве немало, но сердце взволнованно колотилось в груди, и глаза открывать Гвен не торопилась. Она так и

сидела, зажмурившись, и успокаивала себя мыслями о скором прибытии в деревню, о работе и о своей книге, а успокоившись, не заметила, как уснула.

Разбудили её поток холодного воздуха и послышавшийся сквозь сон голос.

– Вы разговаривали во сне, – известил её устроившийся напротив сквайр Линтон. – Звали какого-то Арчибальда. Это ваш возлюбленный?

– Что? Нет, он герой... книжный, – смущённо созналась Гвендолин. – Очень достойный человек. Уже во второй главе он спас кошку.

– Весьма похвально с его стороны.

Уловив нотки веселья в голосе собеседника, Гвен нахмурилась, но тут же стушеввалась ещё сильнее. Едва ли ей следовало так вольно говорить с человеком старше неё и выше по положению. И едва ли он заинтересуется её романом. Такие люди наверняка читают что-то совсем другое. Может быть, философские трактаты?

– Простите, что утомил вас ожиданием, – извинился сквайр.

– Скорее меня утомила дорога сюда, – призналась Гвен, отводя взгляд от сидящего напротив человека и чувствуя ещё большую неловкость в показавшемся вдруг тесным полутёмном пространстве кареты. – Вернуть вам плед?

– Не нужно, оставьте себе.

Когда экипаж плавно тронулся с места, Гвендолин отважилась отодвинуть занавеску, но второго экипажа около станции уже не было. Девушка с облегчением вздохнула.

– Расскажите о себе, – попросил её спутник. – Мне интересно, кто станет учительствовать в моей деревне. Откуда вы? Кто ваши родители?

– Отец был фермером, – ответила она осторожно. – Но ему не повезло – неурожай следовал один за другим, и землю пришлось заложить, а затем и продать. Отец умер от лихорадки, а мама... её я совсем не помню.

Их с Гвендой истории были похожи, как и сами девушки. Вот только отец Гвендолин никогда не возделывал землю.

– Кто же устроил вас в пансион? – полюбопытствовал альд Линтон.

– Дальний родственник.

– И почему вы не поехали к нему, закончив обучение?

– Его тоже уже нет в живых. – Гвендолин скрестила пальцы, мысленно попросив у дяди прощения. Пусть они никогда не встречались, и письма от него не дышали родственной любовью, она была благодарна ему за полученное образование и счастливые годы, проведённые в стенах пансиона.

– Значит, вам не на кого рассчитывать, кроме себя самой?

– Да, – ответила она, придав себе самый кроткий вид, на который только способна. На строгих воспитательниц и преподавательниц это обычно действовало. – Но я намерена служить своему призванию верно и старательно.

– И вы совершенно не сомневаетесь, что учительство – ваше призвание? Вы ведь ещё даже не пробовали. Пройдут годы, прежде чем вы сможете сказать эти слова с полной уверенностью.

– Возможно, – согласилась Гвен, не став уточнять, что говорила вовсе не об учительстве. И спросила, чтобы сменить тему: – Далеко ли ещё до деревни?

– Мы едем не туда, – ошаршил ответом сквайр. – Сейчас уже поздно, вас некому будет встретить. Крестьяне встают с рассветом, а ложатся рано, чтобы не тратить свечи. Поэтому сегодня вам придётся остаться у меня.

– Но... – Гвен тяжело слотнула, подбирая слова. – Будет ли это... прилично?

– Предпочитаете провести ночь под открытым небом? – с лёгкой усмешкой осведомился альд Линтон. – И, если уж говорить о приличиях, с моей стороны будет их вопиющим нару-

шением не проявить к вам гостеприимства. Вы ведь приехали, чтобы учить детей моих арендаторов, помните?

Сложно было не признать его правоту, но Гвен всё ещё сомневалась.

– А ваша жена не будет возражать? – спросила она, не найдя иных поводов для отказа.

– Моя кто? – отозвался сквайр неожиданно нервно.

– Ваша супруга, – повторила Гвендолин, запоздало пожалев о том, что не глянула раньше на его левую руку, есть ли кольцо.

– У меня её нет, возражать некому.

Карета остановилась. Кучер открыл дверцу. Остро и сладко запахло сосновой смолой и морозным воздухом.

– Будете моей гостьей? – Карлион Линтон протянул ей руку.

Будь у Гвен выбор, она наверняка отказалась бы, невзирая на все его доводы. Но не может же она коротать ночь в лесу? На таком морозе до утра можно и не дожить.

– Вот и отлично, – удовлетворённо кивнул альд Линтон, когда она покинула карету вслед за ним. – Заходите в дом. Ваши вещи отнесут, Гвенда. Могу я называть вас просто Гвендой?

– Лучше – Гвен. Мне так привычнее.

Впереди тёмной каменной громадиной высился особняк. Здание пансиона обладало более впечатляющими размерами, но перед ним Гвендолин так не робела. Сейчас же ей то и дело вспоминалась сказка о девушке, которая вот так же опрометчиво согласилась погостить в чужом доме – или то был замок? – и обнаружила, что его хозяин заколдован. Не хотелось бы ей оказаться в подобной сказке.

Глава 2

Внутри дом оказался не только просторным, но и с большим вкусом обставленным и уютным, несмотря на отсутствие тут хозяйки. В таком месте хотелось поскорее сменить дорожное платье на удобную одежду, сесть у очага и попросить горячего шоколада, а затем наслаждаться им, неторопливо смакуя каждый глоток, чтобы растянуть удовольствие.

Впрочем, Гвен хватило бы и очага. Хоть она и согрелась в карете, северный климат ей явно не подходил. Сыграло свою роль и то, что в пансионе она лишь раз в день выходила на короткую прогулку, а потому давно не проводила столько времени на свежем воздухе, как сегодня.

На счастье, в гостиной, куда её проводили, к приходу хозяина ярко разожгли камин, и Гвен, присев в кресло, протянула руки к огню.

– Я распорядился приготовить вам комнату, – сообщил альд Линтон, вернувшись после недолгого отсутствия. – Но боюсь, воздух в гостевых покоях может оказаться немного затхлым, у меня давно никто не останавливался.

– Ничего страшного! – смущённо отозвалась Гвендолин. – Вы так любезны со мной, хотя я всего лишь...

– Вам бы больше понравилось, посели я вас в помещениях для прислуги? – с мягкой иронией произнёс сквайр. – Не нужно принижать себя, Гвен. Вы ведь не крестьянская девчонка, понятия не имеющая о манерах, а будущая учительница, светоч знаний в здешних глухих местах.

В его словах не слышалось насмешки, но Гвендолин всё же казалось, что он подтрунивает над ней, и она смутилась ещё сильнее.

– У вас замечательный дом, – сказала невпопад. – И эти акварели – это так... мило...

Она не нашла другого слова. Висевшие на стене и вдоль уходящей на второй этаж лестницы акварели, изображавшие деревенские пейзажи, и правда, были по-простому милы, но казались совсем неподходящим украшением для обиталища обеспеченного холостяка.

– Вам действительно нравится? – улыбнулся хозяин. – Это работы моей сестры. Они напоминают мне о ней, о детстве и беззаботной юности, которые мы провели вместе в этом доме. Но с тех пор, как Мэрион вышла замуж и переехала в столицу, я остался один. Потому и радуюсь так гостям, даже случайным. Вы ведь не откажетесь скрасить мне этот вечер?

– Я? – пролепетала Гвен. – Я не знаю...

– Поужинайте со мной, – предложил сквайр. – А после... Что вы делали в пансионе в свободное от занятий время?

– Читала книги.

– А ещё?

– Пыталась написать свою, – призналась она, должно быть, от растерянности.

– Про Арчибальда?

– Как вы догадались? – удивилась Гвен.

– Это несложно, – улыбнулся сквайр. – Но, пожалуй, о книгах мы поговорим в другой раз. Может быть, вы... играете в карты?

Гвендолин покраснела: подобные развлечения в пансионе не поощрялись.

– Немного, – повинулась она. – Но мы никогда не играли на деньги, вы не подумайте! Только на желания.

– На желания? Интересно. А со мной вы сыграли бы?

Гвен совершенно растерялась. С одной стороны, она не хотела обидеть сквайра отказом и неблагодарностью за гостеприимность. С другой, никогда не играла в карты с мужчиной – только с другими ученицами в пансионе.

Арчибальд, впрочем, совершенно точно бы не отказался, окажись он на её месте.

– У вас будет время обдумать моё предложение за ужином, – добавил альд Линтон, и Гвен с облегчением перевела дух.

Ужин подали простой и сытный – холодное мясо, сыр и морковный пудинг. Наверное, без хозяйки некому было составлять сложное меню, а хозяин не стремился питаться разносолами. Сама же Гвендолин так проголодалась, что ей и чёрствая горбушка пришлось бы по вкусу.

– Мне нравится, когда у девушек хороший аппетит, – заметил Карлион Линтон, чем снова вогнал Гвен в краску.

Всем известно, что девице положено клевать, как птичка, а не набрасываться на еду подобно волку. Но печенье, которое она захватила в дорогу, закончилось слишком быстро, почти не насытив, да и беспокойство не лишало её аппетита, как некоторых знакомых, а совсем наоборот.

Когда закончился ужин, немолодая угрюмая женщина, кажется, бывшая при доме экономкой, провела Гвендолин в приготовленную для неё комнату. Спальня была небольшой, но тёплой, и затхлости тут совсем не ощущалось – пахло крахмалом и сухими цветами ромашки. Воспользовавшись ванной, Гвен переделалась в одно из своих самых лучших платьев, но, чуть поразмыслив, сменила его на другое, попроще. После чего, волнуясь всё сильнее, спустилась по крутой поскрипывающей под ногами лестнице в гостиную, где её уже ждал альд Линтон.

– Я уж боялся, что вы не придёте, а сразу ляжете спать, – проговорил он. – Ведь наверняка устали с дороги?

– Устала. Но вкусная еда и уютная обстановка творят чудеса.

– Приятно слышать. Впрочем, в молодости и дорожные тяготы переносятся легче. Кстати, о чудесах – в вашей книге есть магия?

Такого вопроса Гвендолин не ждала. Вздрогнула. Медленно подняла глаза на Карлиона Линтона. Отблески пламени подрагивали на его волосах, а во взгляде читалось нечто большее, чем простое вежливое любопытство, за которым обычно скрывается скука.

– Нет, – произнесла она, осознав, что пауза чересчур затянулась. – Ни магии, ни магов.

Ей не хотелось писать о них. Да, говорят, и среди тех, кто обладал даром, немало достойных представителей, использующих свои способности во благо. С помощью магии они исцеляли тяжело больных, возводили дома, разыскивали пропавших, создавали уникальные произведения искусства. Но разве люди, делавшие всё то же, не применяя чар, заслуживали меньшего уважения? А для некоторых высородных альдов, не имевших нужды зарабатывать себе на жизнь, дар был лишь довеском к титулу, подчёркивавшим их исключительность даже среди аристократов. Но они так кичились им, так стремились сохранить в своём роду...

– Удивительно, – прокомментировал её ответ сквайр. – Мне казалось, магия должна интересовать вас в первую очередь, как и всех тех, у кого хорошо развита фантазия. Вы полны сюрпризов, Гвен.

– Быть может, – согласилась она, желая скорее сменить тему. – И я готова сыграть в карты.

– А я их уже приготовил, – заявил альд Линтон.

Он разложил на столике перед диваном пёструю колоду, и Гвендолин, поборов дрожь в руках, потянулась к картам. Почти сразу, как только игра началась, пришлось убедиться, что соперник попался умелый и опытный. Или, может быть, ему просто везло? Как бы то ни было, хозяин приютившего её дома одержал победу, не дав ей ни единого шанса. Гвен оставалось лишь признать поражение и ожидать, какое желание будет загадано.

Стало немного не по себе. Нет, они в особняке не одни, да и едва ли его владелец по ночам обращается в чудовище, но всё же, всё же...

– Вы умеете играть на пианино? – спросил альд Линтон.

Гвен кивнула.

– Тогда сыграйте, пожалуйста. Инструмент настроен, хоть и пользуются им редко – играет только сестра, когда приезжает меня навестить. Вот моё желание.

Вздыхнув с облегчением, Гвендолин проследовала к притулившемуся в углу гостиной пианино. Коснувшись рукой клавиш, она будто снова очутилась в музыкальном классе пансионата. Даже вспомнился наполнявший просторное помещение запах лавандового масла от волос наставницы и мастики* от пола.

– Что вам сыграть?

– Что-нибудь на ваш вкус, – милостиво разрешил победитель.

Гвен растерялась. Что может нравиться Карлиону Линтону? С одной стороны, он аристократ, следовательно, ему полагается любить классику. С другой, обитает в сельской местности, а, стало быть, неравнодушен к балладам. Покусав в задумчивости губу и перебрав в памяти все известные ей произведения, девушка начала играть и негромко напевать слова, которым её когда-то научила настоящая Гвенда Грин.

*Я бродил по горам и далёким лесам,
Медальон моей милой сжимая в горсти.
Я навстречу бросался любым чудесам,
Ничего не страшась на опасном пути.
Я искал её, звал, но, увы, лишь во снах
Приходила ко мне, чтоб утешить меня.
И у встречных я спрашивал, где же она,
Но качали они головой, и, кляня
Этот мир, шёл я дальше и дальше сквозь ветер и зной,
Унося за плечами глухую тоску...**

– Достаточно! – хрипло произнёс сквайр, прерывая песню.

– Вам не понравилось моё исполнение? – огорчённо вздохнула Гвендолин.

– Не в том дело. Просто... Я вспомнил об одном важном деле. Прошу меня извинить. Доброй ночи!

Он вышел из гостиной, оставив гостью обескураженно глядеть ему вслед.

Оставшись одна, Гвен ещё немного посидела за инструментом, напомиравшим ей о безвозвратно ушедшем прошлом, и отправилась в отведённую ей комнату, переоделась ко сну и забралась под тёплое одеяло. Ложиться спать в незнакомой обстановке оказалось непривычно, но девушка напомнила себе, что гостит в этом доме всего одну ночь, и напоследок можно позволить себе насладиться комфортом, ведь выделенная ей квартира при школе едва ли окажется похожей на особняк Карлиона Линтона.

Любопытно всё же, почему он так резко прервал её пение? Конечно, она не настолько талантлива, как некоторые, но в пансионе Гвендолин хвалили. Может быть, всё-таки следовало бы выбрать нечто классическое?

Карлион Линтон сидел за столом в тёмном кабинете. Перед ним горела, роняя восковые слёзы, одинокая свеча, а в ушах ещё звучал нежный голос случайной гостьи: «Я бродил по горам и далёким лесам, медальон моей милой сжимая в горсти».

Медальон тоже был. Украшенное изящной чеканкой серебро нагрелось в дрожащей ладони, пока сквайр решил открыть крышку и взглянуть на миниатюрный портрет. Каштановые волосы, отливающие золотом, чистые серые глаза, ласковая улыбка...

Похожие глаза и улыбку Линтон видел совсем недавно в своей гостиной, а несколькими часами ранее, на станции, заподозрил у себя безумие, столкнувшись внезапно с такой знакомой незнакомкой.

Случайность? Или судьба?

А, может быть, второй шанс? Разве он не заслуживал его?

– Разве я не заслуживал твоей любви? – спросил он женщину на портрете.

Вряд ли она ответила бы, даже если бы могла.

Линтон закрыл медальон, но не повесил снова на шею, а убрал его в ящик стола и погасил свечу...

**Мастика – жидкая смесь воска с краской для натирания полов.*

**Стихи Светланы Казаковой.*

Глава 3

Несмотря на солнечную погоду, экономка, разбудившая Гвен поутру, выглядела такой же хмурой, как и вечером. Она сухо сообщила, что хозяин ждёт гостью на завтрак. Лицо женщины выражало неодобрение, и Гвендолин стало не по себе. Чем и когда она успела её прогневить?

Зато Карлион Линтон пребывал в хорошем настроении. Сидя за столом, слишком широким для него одного, сквайр намазывал золотистое масло на ломоть свежего хлеба, и Гвен немедленно захотелось того же самого. Только хорошо бы ещё малинового джема сверху добавить.

– Присоединяйтесь, – с улыбкой пригласил хозяин. – Как вам спалось?

– Просто замечательно! Спасибо.

– Хочу попросить прощения за вчерашний вечер. Мне очень понравилась ваша песня, однако...

– Пожалуйста, не нужно оправдываться! – вспыхнула Гвен. – Это я должна извиняться. Наверняка у вас немало дел, а я свалилась как снег на голову.

– Мне приятно ваше общество.

Тон собеседника и интерес в его взгляде, как и накануне, приводили Гвен в смущение.

– Потому, что вы скучаете по сестре? – предположила она несмело.

– Скучаю. Но такова жизнь. Девушки вырастают и вылетают из гнезда, чтобы свить новое.

– Я не собираюсь делать ничего подобного! – выпалила Гвендолин и тут же прикусила язык, но было уже поздно.

– Не собираетесь выходить замуж? – не без удивления уточнил Карлион Линтон.

– Да. У меня нет ни брата, которого радовало бы моё присутствие, ни родителей, чью старость я могла бы скрасить заботой, и можно полностью отдаться работе...

«И Арчибальду», – добавила она мысленно.

– Не зарекайтесь, Гвен. Однажды кто-то украдёт ваше сердце, и эти размышления покажутся сущей глупостью. Вы от всей души пожелаете никогда не расставаться с этим человеком, подарить ему детей, прожить вместе всю жизнь...

Альд Линтон говорил уверенно, словно сам когда-то испытал подобные чувства. Но как ни любопытно ей было, Гвендолин ни за что не решилась бы расспрашивать о таком едва знакомого человека. Сама она никогда и ни в кого не влюблялась, если не считать Арчибальда, и вряд ли в реальной жизни ей повезёт встретить мужчину, похожего на её героя.

Она вздохнула, заедая тоску яичницей с ветчиной.

Видимо, из-за того, что разговор не клеился, завтрак не затянулся, и уже через полчаса Гвендолин стояла во дворе особняка, ёжась от прохладного воздуха. Хотелось, чтобы поскорее сошёл снег, и солнце стало по-настоящему весенним, но пока природа не собиралась прислушиваться к её желаниям. Шмыгнув носом, Гвен торопливо зашагала к приготовленной карете и заняла место напротив альда Линтона.

– Если возникнут затруднения на новом месте, я настаиваю, чтобы вы обратились ко мне, – сказал он, когда экипаж тронулся с места. – Деревенский староста – неплохой человек, но, боюсь, некоторые ваши нужды он может счесть капризом и оставить без внимания.

– Вы так добры! – растрогалась Гвен. Ощущение чужой заботы казалось пуховым одеялом, в холодный день наброшенным на плечи чьей-то тёплой рукой. – Спасибо вам за приют и угощение, за вашу компанию, за... Боюсь даже представить, что бы со мной стало, если б не вы...

– Полно, хватит вам, иначе я чересчур загоржусь! – отозвался сквайр с добродушной иронией. – Вы отблагодарите меня, если не забудете о моей просьбе и... как-нибудь ещё сыграете со мной в карты.

Вскоре они добрались до места, которому предстояло стать для Гвен новым домом.

Трелони не слишком-то походила на пасторальные деревеньки с гравюр и открыток. Покосившиеся заборы, обрамлённые седыми от инея ветками деревьев, ухабистая дорожная колея, запах навоза, ставший ощутимым, стоило приоткрыть дверцу кареты. Должно быть, в тёплое время года, когда разрасталась живая изгородь, здесь было красивее, но пока никакого особенного вдохновения сельский пейзаж не навевал.

Гвендолин вздохнула и мужественно шагнула навстречу будущему.

Деревенский староста, к дому которого доставил её альд Линтон, оказался приземистым человеком лет пятидесяти. Он комкал в руках потрёпанную шляпу и пытливо рассматривал девушку, точно решая, не попросить ли сквайра вернуть её обратно в пансион, но в конце концов буркнул:

– Отведу вас в школу.

– Оставляю вас в надёжной компании, – сказал, прощаясь Карлион Линтон. – Но вы ведь помните, о чём я вам говорил? Если что, обращайтесь без всякого стеснения.

– Вы с нашим сквайром, часом, не родня? – полюбопытствовал староста, пока Гвен провожала глазами карету.

– Нет, – удивилась она вопросу. – Мы... недавно познакомились.

Собиралась сказать «сегодня», но побоялась, что знакомый с расписанием почтового транспорта староста уличит её во лжи. Да и слуги альда Линтона наверняка бывают в деревне, и, вполне возможно, однажды принесут с собой слухи о том, что новая учительница провела ночь в доме землевладельца.

Щёки Гвен вспыхнули, но, к счастью, староста этого не заметил. Подхватил её саквояж и размашисто зашагал по неширокой улице.

Гвендолин едва поспевала за ним. Сперва улочка выглядела пустынной, но постепенно на ней начали появляться прохожие. На Гвен они глядели с любопытством, но без настороженности. Миниатюрная, скромно одетая девушка вызвала лишь улыбку, у кого приветливую, у кого – снисходительную. Последнее чаще, и даже когда староста представлял её кому-то как новоприбывшую учительницу, веса в глазах деревенских жителей Гвендолин это не прибавляло. Наверное, потребуется немало времени, чтобы заслужить их уважение.

– Вот она – школа, – буркнул староста, остановившись у двухэтажного строения, расположившегося поодаль от жилых домов. – А сверху квартирка ваша, – махнул рукой на закрытые ставнями окна. – Обживайтесь.

Служанкой при школе работала крепкая молодая женщина с такими румяными щеками, что они казались подкрашенными свекольным соком. Она назвалась Талулой и с ходу повела Гвендолин осматривать владения.

Сама школа – скромная и опрятная – производила в целом приятное впечатление. Но квартиру ещё не успели привести в порядок. Расчихавшись от пыли, Гвен оглядела продавленную кровать, трёхногую табуретку и грубый деревянный стол, составлявший компанию косоугому шкафу для одежды.

– Прежняя учительница была из местных, – пояснила служанка, – в этом жильё не нуждалась. Но теперь, когда у неё снова родился ребёнок, работать здесь ей совсем некогда. Уже четвёртый. Хорошо, что у мужа неплохое жалованье.

Гвендолин вспомнила комнату, в которой проснулась утром, и подавила тягостный вздох. На роскошные условия она не рассчитывала, и всё же представить себе, что всю дальнейшую жизнь придётся провести в таком месте, получалось с трудом. Да и не хотелось представлять – уж слишком безрадостной получалась картина.

Оставив Талулу прибираться в квартире, Гвен спустилась в школьный коридор, радуясь про себя, что сегодня выходной день. Было бы непросто приступить к работе прямо сейчас. Сначала нужно хотя бы немного освоиться.

– Госпожа учительница!

Обернувшись, Гвен увидела хорошенькую девушку примерно своих лет. На голове у той красовался ярко-голубой капор, шаль такого же оттенка лежала на плечах. Незнакомка протягивала свёрток в плотной бумаге с масляными пятнами.

– Я дочь старосты. Пришла вас поприветствовать. И принесла пирог.

– Спасибо! – Гвендолин приняла угощение. Сквозь бумагу пробивался вкусный запах. – Вы сами пекли?

– Нет, мама. Я не слишком хорошо стряпаю. Ой! Я не представилась. Меня зовут Джесмин. А вас – Гвенда Грин, да?

– Да. Но мне больше нравится, когда меня называют Гвен. У вас очень красивое имя.

– Мама вычитала в какой-то книге, – улыбнулась новая знакомая. – А у вас есть книги? Я тоже люблю читать.

– Конечно, есть. Может, вместе попьём чаю с пирогом? А затем я вам их покажу.

Дочь старосты оказалась девушкой бойкой и разговорчивой, и за время чаепития в маленькой, не в пример квартире опрятной кухне Гвендолин услышала о деревне Трелони и её жителях столько, сколько и не рассчитывала узнать.

– Все говорят, что он посватается к дочке башмачника, – говорила Джесмин, энергично жестикулируя. Упустив нить разговора, Гвен не совсем понимала, о ком идёт речь, потому попросту кивала, демонстрируя, что участвует в беседе. – Но пока что-то не торопится. Вот я и думаю – а если он собирается сделать предложение не дочери башмачника? А если мне?

– Он тебе нравится? – догадалась Гвендолин.

Длинные ресницы Джесмин затрепетали, и она залилась нежным румянцем. Её смущение выглядело так мило, что Гвен пожалела о том, что сама не может вот так же опустить глаза, признаваясь в своих чувствах к Арчибальду, который, конечно же, посватался бы к ней, будь он настоящим.

– Да, но тсс... Это секрет! – улыбнулась, показав ямочки на щеках, собеседница. – Пока даже он о том не знает, не говоря уж о наших родителях.

– Но разве не они должны заниматься всем, что связано с браком?

– В большом городе – может быть, но в деревнях всё по-другому. Обычно молодые сговариваются сами, а уже затем парень идёт к отцу невесты. Мы живём привольнее.

– А как же репутация?

– Пффф! – махнула рукой Джесмин. – Ты ведь ещё не знакома с прежней учительницей? Так вот, её первенец родился через четыре месяца после свадьбы! И ничего. Вот если бы свадьба и вовсе не состоялась, её репутация пострадала бы. А так все довольны. Особенно родители мужа, которые убедились, что невестка не бесплодна.

– Не хочу даже слушать о таком! – зажала уши Гвен. – И настолько безнравственной особе разрешили работать в школе?!

– Привыкай, – хмыкнула дочь старосты. – Про моего милого тоже поговаривают, будто он одарил одну девушку из батрачек зелёной юбкой. Но мне кажется, брешут из зависти.

– Он... подарил другой девушке юбку? – растерянно переспросила Гвен. – С её стороны не слишком благопристойно принимать от молодого человека такие презенты до свадьбы. И почему именно зелёную?

Джесмин расхохоталась, согнувшись и обхватив руками колени, и долго не могла успокоиться.

– Ах, до чего же ты смешная! Не было никакой юбки! Это означает, что парень и девушка занимались этим на траве!

– Чем занимались?

– Ой, не могу! – снова рассмеялась Джесмин. – Из какого же яйца ты вылупилась? А ещё грамотная!

К её звонкому, как журчание весеннего ручейка, смеху присоединился громкий, похожий на звук трубы, хохот Талулы. Гвен перевела обиженный взгляд с одной на другую и встала с места. Выпрямила спину и гордо зашагала в комнату – проверить, хорошо ли там прибрала служанка.

Вид нового обиталища, пусть и ставшего чище, по-прежнему наводил тоску. На какое-то мгновение Гвендолин вообразила себя не на чужом, а на своём месте. В наверняка большом дядюшкином доме – почти таком же красивом, как особняк Карлиона Линтона. Представила полный новой одежды сундук с приданым, уложенные камеристкой локоны, белые свадебные перчатки.

И – чужого человека, который откидывал вуаль с её лица.

Вздвигнув, Гвен потёрла виски, прогоняя навеянную хандрой фантазию. Нет, она не усомнится в правильности своего поступка! Он был совершен, чтобы больше ни от кого не зависеть. Чтобы рассказать до конца историю Арчибалда. Чтобы стать наконец-то самой собой, а не приложением к фамилии, которую она носила.

– Что случилось? – раздался за спиной голосок Джесмин. – Ты обиделась? Ах, Гвен, я тоже далеко не так искушена, как пытаюсь показать! Даже целовалась всего-то пару раз.

Гвендолин вздохнула: её саму не целовали ещё ни разу.

– Пожалуйста, вернись к столу! – попросила дочь старосты.

Натянув на лицо улыбку, Гвен обернулась.

– Хорошо. Но, учтите, вам не удастся привить мне свою деревенскую мораль!

– И не нужно! Глядишь, и другие девицы станут на тебя равняться. А то так и бегают за ним, так и увиваются! Вертихвостки! – снова вернулась к предмету своего обожания Джесмин. – А ты любишь мясное рагу с картофелем? – вдруг сменила она тему. – Мама его готовит сегодня на ужин и будет рада, если ты придёшь. И я тоже.

Гвендолин с большим удовольствием провела бы вечер наедине с собой, но обижать новую приятельницу отказом не решилась.

И правильно сделала. Ужин удался. Староста был всё так же неразговорчив, но его супруга оказалась хлебосольной хозяйкой, не скупившейся ни на угощения, ни на комплименты новой учительнице. Поначалу Гвен смущалась, но затем почувствовала благодарность к едва знакомой женщине, встретившей её так радушно. Дочь очень походила на мать, и, глядя на жену старосты, можно было с лёгкостью представить, какой станет Джесмин через несколько лет, когда её пока гибкая фигура приобретёт пышность, а в густые тёмно-русые волосы белой лентой вплетётся ранняя седина.

– Вы уж не обижайтесь, я с вами говорю как с собственной дочкой, – шепнула Гвендолин хозяйка дома, улучив момент, когда гостя отошла от стола ополоснуть руки. – У нас тут новенькие девушки редко появляются. Так что вы будете на виду, и парни станут на вас заглядываться, ходить вокруг да около, пытаться свести знакомство поближе. Не ученики, конечно, те ещё не доросли, а вот их старшие братья... Да и отцы тоже.

– Спасибо за предупреждение! – Гвен вспыхнула. – Но, я приехала сюда не для того, чтобы с кем-нибудь познакомиться. А для того, чтобы работать.

– Так-то оно так, но вы же ещё молодая. Соблазнов очень уж много. А приглядывать за вами некому.

От старосты Гвен уходила затемно. Хозяин провёл её до дверей школы и, пожелав доброй ночи, оставил одну, ведь Талула, закончив дела, давно ушла. В пустом доме властвовала тишина, нарушаемая только редкими шорохами, и Гвен от всей души надеялась, что их издают не мыши или крысы.

Поднявшись в свою комнатку, она зажгла свечи, чтобы разогнать темноту и страхи, и переоделась ко сну. Но тот всё не шёл, и Гвен достала толстую тетрадь, которую не открывала уже несколько дней, и собралась продолжить историю Арчибальда.

Однако не успела она начать, как внимание отвлекли какие-то звуки, поначалу невнятные и негромкие, но спустя минуту превратившиеся в бойкую слаженную мелодию. В удивлении Гвен подошла к окну и откинула занавеску. Взору открылось презабавнейшее зрелище: перед стенами школы собралось несколько мужчин, облачённых в традиционные костюмы жителей данной части королевства. Аккомпанируя себе на народных инструментах, они хором выводили незнакомую девушке задорную песню. Заметив внимание Гвендолин, необычный оркестр заиграл энергичнее. Она в ответ улыбнулась и помахала рукой. Вот так приветствие!

Разглядывая незваных гостей, Гвен увидела среди них молодого человека, выглядевшего немногим старше её самой. Он, не отрываясь, смотрел на неё, и она задержала пальцы на занавеске, почти физически ощутив на себе этот взгляд. Остальные музыканты тоже с любопытством глазели на новую учительницу, но по-другому, от их взглядов не теплело в груди и не хотелось улыбаться.

Гвендолин не знала, сколько времени продолжался импровизированный концерт, но, когда она отошла от окна, улыбка всё ещё оставалась на её губах.

Глава 4

Ночь после ухода музыкантов прошла тихо, зато первый рабочий день начался шумно и суматошно. Ученики, вопреки представлениям Гвендолин о пунктуальности деревенских жителей, осаждали школу задолго до начала уроков. Стоило Талуле открыть дверь, как пестрый гомонящий поток хлынул внутрь и застопорился в дверях классной комнаты. Дети, одни довольно чисто умытые, другие с чумазыми лицами, некоторые одеты неплохо, но большинство в поношенных ботинках и дырявых чулках, с опасливым интересом рассматривали новую учительницу. Под их взглядами Гвен ощутила пугающую неуверенность. Она знала, чему ей следует научить этих детей, знала, что лишние премудрости им не нужны – лишь самое необходимое. Так им говорили в пансионе, но годы учёбы не могли подготовить будущую преподавательницу к тому, как найти общий язык с деревенской ребятнёй. Гвен заставила себя улыбнуться и указала рукой на парты.

Классная комната была достаточно просторной, чтобы вместить всех учеников, а тех, как сосчитала Гвендолин, было двадцать четыре. Правда, двое из них, милая белокурая девочка и мальчуган в штопанных одежках были ещё малы, чтобы чему-либо учиться. Их привели старшие братья, и Гвен не стала с этим спорить, поняв, что детей просто не с кем оставить дома. К тому же малыши сидели тихо и хлопот не доставляли, в отличие от настоящих учеников. Прежняя учительница не привила им понятия дисциплины, а что ещё хуже – практически не дала никаких знаний. Видимо, она и сама не являлась в достаточной мере образованной и компенсировала этот недостаток тем, что помнила большое количество интересных историй. Их она, как выяснилось, и рассказывала на уроках. Неудивительно, что дети ждали того же от Гвен и были недовольны, поняв, что теперь придётся учиться по-настоящему. Гвендолин с трудом удалось их утихомирить, пообещав, что в конце учебного дня, если они станут прилежно заниматься, она, так и быть, почитает или расскажет им что-нибудь.

Был более простой и быстрый способ добиться послушания. Наставницы пансиона, где воспитывалась Гвен, не тратили бы время на уговоры, и в ответ на возмущение тут же последовало бы наказание. Но Гвендолин ещё по дороге в Трелони решила, что обойдётся без жёстких мер, ведь ей хотелось, чтобы дети относились к ней так же тепло, как она сама – к самым терпеливым и добрым своим учителям, и большее, что она позволяла себе, – постучать указкой по столу, призывая к тишине.

Стучать приходилось часто. К концу занятий голова у Гвен раскалывалась от гомона, и даже когда ученики наконец разошлись по домам, в ушах ещё звенели их голоса.

– Строже с ними надо, – то ли укоризненно, то ли сочувственно сказала Талула, когда Гвен появилась у неё в кухне. – Обедать будете?

Гвендолин так проголодалась, что проглотила всё, что подала служанка, не чувствуя вкуса. Но сытная еда вернула силы, а хорошее настроение принесла с собой Джесмин. Дочь старосты, сегодня выглядевшая ещё наряднее и довольнее жизнью, чем вчера, влетела в кухню вихрем оборок и лент и тут же забросала вопросами:

– Как прошёл день? Как дети? Не слишком озоровали?

– Как сказать, – неопределённо растянула Гвен. – Похоже, моя предшественница не достигла особых успехов. Только не передавай ей мои слова, пожалуйста!

– Ей сейчас не до того, – отмахнулась Джесмин. – А что до детей, вряд ли кому-то из них пригодится твоя наука. Им ведь придётся, как родителям, работать на земле, никто не станет доктором или адвокатом.

– Отчего же? – не согласилась Гвен, хоть и понимала, что собеседница права. – Возможно, у кого-то из них появится шанс продолжить образование и освоить другую профессию. Но знания в любом случае не бывают лишними.

– Ты говоришь как альд Линтон. Это он велел, чтобы в деревне открыли школу. Ты ведь с ним знакома, да?

– Знакома, – подтвердила Гвендолин. Должно быть, староста рассказал дочери о том, что новую учительницу привёз в Трелони сам сквайр. Хорошо бы данный факт не оброс нежелательными домыслами, и Гвен поспешила сменить тему: – Что за люди поют и играют на народных инструментах? Вчера, когда я уже вернулась от вас, они выступали прямо под моим окном!

– А, есть тут такие! – рассмеялась Джесмин. – Обычно они играют на праздниках и ярмарках, но перед тобой, видно, решили отдельно покрасоваться.

– Мне понравилась их музыка, – улыбнулась Гвен.

– Я передам. Среди этих старичков-трубадуров затесался и мой дядюшка.

– Старичков? Но я заметила среди них молодого человека.

– Молодого? – Джесмин нахмурилась. – Вот уж не знаю. Может, родственник к кому-нибудь приехал? Надо выяснить! – она подскочила с места, явно уязвлённая тем, что новой учительнице известно что-то, чего не знала она сама. – Я ещё попозже загляну! – крикнула уже от двери и, захлопнув её, побежала по лестнице, грохоча каблуками.

– Вот егоза! – проворчала, заглядывая в кухню, Талула. – Ничего, замуж выйдет – будет ходить медленно и степенно, как и положено хранительнице очага. Глядишь, скоро и её деток учить будете!

Поблагодарив служанку за обед, Гвендолин отправилась к себе в комнату, где наконец-то смогла посвятить несколько часов исключительно Арчибальду. Никто не потревожил писательницу. Слова кружевной вязью ложились на бумагу, и Гвен казалось, будто герой её истории тоже здесь, совсем рядом, неслышно стоит за спиной. Она даже чувствовала запах прелых листьев, налипших на подошвы его сапог за время долгой дороги.

А к закату вернулась Джесмин – влетела прямо в комнату Гвен, взбудораженная и горящая желанием немедленно поделиться новостями.

– В самом деле, родственник! Одного человека, который тут уже не живёт, а домишко его остался, так тот прислал сына своей кухни приглядеть за хозяйством и подыскать покупателя на дом! Ума не приложу, как парень так быстро втёрся в доверие к нашим и начал петь с ними! Не иначе настоящий талант! А до чего же хорош собой!

– Но ведь тебе уже кто-то нравится? – напомнила Гвендолин.

– Нравится, – призналась Джесмин. – Но любоваться же никто не возбранит! Ты ведь и сама его заприметила!

Гвен опустила взгляд. Вот досада – любовь к Арчибальду не помешала ей обратить внимание на приятного молодого человека. И отчего-то хотелось узнать о нём побольше.

– Его зовут Криспин Дэй, – будто бы угадала её мысли дочь старосты. – У него есть лошадь и телега. Ни жены, ни детей, а родители – фермеры, как и у тебя. Видать, не бедствуют.

Гвендолин повторила про себя услышанное имя. Криспин Дэй. Простое и звонкое – так и звучит весенней капелью. Вот бы познакомиться с ним...

– Я уговорю родителей пригласить его на мой день рождения, – заявила Джесмин. – Уже скоро. Будет вся деревня. Ты тоже приглашена! Можешь подарить мне книгу, – беззастенчиво добавила она, оглядывая прибранную комнату учительницы.

– Хорошо, подарю, – отозвалась Гвен. – Но, если он приехал только, чтобы продать дом, значит, скоро уедет?

– А если ему у нас понравится? Если он захочет остаться? Или присмотрит себе невесту и увезёт её с собой?

– В телеге?

– С таким парнем – хоть пешком в соседнее графство! Жаль, моё сердце уже занято.

– Ты ведь ещё не знаешь, взаимны ли твои чувства.

– Выясню! Вот подойду и спрошу. А если он так и не соизволит сделать мне предложение, я дождусь високосного года и...

– Сделаешь его сама? – не поверила Гвендолин.

– Почему бы и нет? И... что это за запах?

Гвен принялась. В хорошо прогретой комнате витал неприятный сладковатый запах, и это точно были не прелые листья с сапог Арчибальда. Гвендолин повертелась, оглядывая своё жилище, но так и не нашла источника этого запаха.

– Дохлая мышь, – сказала Джесмин.

– Ты думаешь? – с сомнением уточнила Гвен.

– Знаю, – вздохнула новообретённая приятельница. – Болтается у тебя на платье сзади.

Гвендолин испуганно взвизгнула и попыталась посмотреть себе за спину, одновременно думая, что вовсе не хочет этого видеть.

– Можно? – Джесмин взяла с её стола чистый лист бумаги. – Не волнуйся, сейчас сниму. Интересно, какой шутник тебя ею наградил? Спорить могу, что один из братьев Бенсонов.

Гвен вспомнила троих мальчишек-погодков, больше всех шумевших на занятиях, и мысленно согласилась с этой догадкой.

– Не дёргайся, – велела Джесмин. – Они её на крючок подцепили, как бы платье не порвать... Фу, гадость какая! – Распахнула окно, вышвырнула за него «подарочек» от маленьких шутников вместе с бумажкой и брезгливо отерла руки о подол. – Мальчишки эти совсем от рук отбились. Мать два года назад умерла, а отцу не до них. Может, женится снова, будет кому его разбойников воспитывать, да пока непохоже, что он собирает новую хозяйку в дом привести. Хотя дом у него хороший и надел большой... Но у альда Линтона-то вон, какой домище, а тоже один в нём кукует, не торопится снова жениться.

– Альд Линтон? Снова? – заинтересовалась Гвен, враз позабыв о дохлой мыши. – Выходит, он уже был женат? И его супруга...

– Сбежала она! – припечатала Джесмин. – Не по душе пришлась наша провинция – в столицу захотелось! А вообще, там тёмная история, так что, может, никуда и не сбегала, а пострадала от рук любовника! Утопил он её в озере или топором зарубил и в лесу прикопал! А альд Линтон до сих пор тоскует...

– Постой-постой! С твоей фантазией только грошковые ужасы* сочинять! – осадил приятельницу заинтригованная Гвен. – Давно это произошло?

– Года три назад. Может, меньше или больше. За временем не угонишься.

– И с тех пор он один? Но... Ведь, если она жива, то всё ещё считается его женой?

– Не думаю. Неверность женщины – повод для развода, всем известно. Адюльтер, во! – гордо выговорила Джесмин сложное слово. – А уж коли её убили, то он и вовсе вдовец. Значит, может жениться во второй раз!

– А если она просто исчезла, и он не знает, где она, жива или нет? – предположила Гвендолин. – Что тогда?

– Если сгинула, и нет вестей? – задумалась собеседница. – Тогда он и правда считается женатым. Несправедливо! – сочувственно вздохнула она. Но вздыхать и грустить было не в характере Джесмин, и она тут же сменила тему: – Насчёт Криспина Дзя я ещё сведения соберу, – заявила с уверенностью заправского сыщика. – Очень уж незаметно он свой приезд обставил. А тут раз – и уже поёт в нашем хоре!

– И хорошо поёт, – отчего-то смутившись, добавила Гвендолин.

– Вот на моём дне рождения и послушаем. И заодно проверим, как он танцует!

* Грошковые ужасы – дешёвые журналы со страшными историями.

Глава 5

С началом занятий скучать Гвен стало некогда. Любопытствующие не оставляли новую учительницу в покое. Среди них, вопреки предупреждениям жены старосты, оказались не только отцы и старшие братья учеников, но также их матери, сёстры, тётушки. Гвен стоило большого труда быть со всеми улыбчивой и вежливой, особенно в моменты, когда её начинали забрасывать вопросами, которые преподавательницы в пансионе называли бы бестактными, а то и возмутительными. Увы, деревенские жители не видели как в своих словах, так и в желании выведать о девушке всю подноготную, ничего странного. Приходилось постоянно напоминать себе о том, что здесь она – Гвенда Грин, скромная фермерская дочка, которая не имела многого, что доставалось некоторым её соученицам по праву рождения, и всё же не унывала и гордилась тем, что смогла получить образование. То, что письмо от настоящей Гвенды до сих пор не пришло, добавляло тревог. Гвендолин надеялась, что оно в пути, и представляла себе почтовые кареты, отмеряющие милю за милей по дорогам королевства, и то мгновение, когда в её руках наконец-то окажется долгожданный конверт.

Налаживание общего языка с учениками двигалось со скрипом. К счастью, новых «подарков» Гвен больше не получала, но и других сложностей хватало. Пришлось научиться торговаться – одна история за две решённые задачи, ещё одна – за выученное стихотворение. Гвен старалась не приближать к себе никого из ребят, чтобы её не обвинили в том, что она заводит любимчиков. Впрочем, дети и сами к тому не стремились. После уроков они спешили домой, ведь у каждого, помимо учёбы, имелись и другие обязанности – приглядывать за домашней скотиной, помогать матерям с уборкой, нянчить младших братьев и сестёр.

Сама Гвен проводила вечера в компании Арчибальда. Его история пока ещё не приближалась к концу, но писательница уже раздумывала, в какие издательства и журналы можно отправить рукопись. При мысли о том, что кто-то чужой прочтёт написанные ею строки, появлялось странное волнение, однако надежда увидеть их напечатанными придавала решимости. Иногда Гвендолин вспоминала о том молодом человеке – Криспине Дзе, – но первая встреча с ним так и осталась единственной, ведь концертов у неё под окнами больше не устраивали, а сама она практически не выбиралась в деревню. Даже Джесмин не радовала новыми новостями о нём. Занятая подготовкой ко дню рождения, дочь старосты забегала теперь редко и, если о чём-то и говорила, то лишь о предстоящем торжестве. Она задумала настоящую вечеринку с танцами, играми и богатым угощением, и родители, учитывая, что дочь у них единственная и любимая, а совершеннолетие бывает лишь раз в жизни, ни в чём ей не перечили.

Так в суматохе пролетела первая рабочая неделя Гвендолин.

В выходной её ждали на празднике у Джесмин, а в последний учебный день, закончив занятия, Гвен решила воспользоваться хорошей погодой и немного прогуляться в лесу, который почти вплотную примыкал к деревне.

Наслаждаясь теплом и свежим воздухом, наконец-то пахнущим весной, она размышляла о сюжете своего романа, в котором наметился долгожданный финал. Арчибальд имел право на то, чтобы окончить свои скитания, обрести счастье и зажить мирной жизнью с хорошей девушкой, которая, конечно же, не будет любить его так, как Гвендолин, но зато сможет подарить ему детей.

Увлечённая своими мыслями, Гвен не сразу услышала шум и стук копыт, но, как ни странно, заметила небольшой предмет, скатившийся с пригорка к её ногам. Выточенный из синего с золотистыми прожилками камня шар темнел на снегу, и она не удержалась от того, чтобы поднять его, а когда топот и конское ржание приблизились, не задумываясь, опустила находку в карман юбки.

– Ты! – резко окрикнул подлетевший к ней всадник. Подняв глаза, Гвен обомлела, увидев сначала направленный прямо на неё пистолет, а затем и державшего его мужчину, лицо которого закрывал чёрный платок, и видно было тёмные глаза между краем платка и шляпой. – Верни то, что тебе не принадлежит, иначе отправишься туда, откуда не возвращаются!

Гвендолин в страхе отступила и, наткнувшись на что-то ногой, полетела на землю. Почудилось, что она неведомым образом оказалась в своей же книге, вот только у неё, в отличие от Арчибальда, не имелось при себе никакого оружия. А если бы и было, пользоваться им она все равно не умела.

– Она видела это и прикоснулась, значит, может рассказать, – послышался ещё один голос. – Не нужно оставлять свидетелей.

Понимая, что сбежать ей не позволят, девушка даже не пыталась встать на ноги. Уж лучше полежать пока на снегу, а там, может быть, что-нибудь изменится. Например, появится кто-то и спасёт её...

Если честно, Гвен сама почти не верила в это, но судьба неожиданно расщедрилась на чудо. Раздались крики, звонкий лай собак и громкий выстрел. Гвен уткнулась лицом в рукав, не рискуя поднять голову.

– Удрали, господин! – огорчённо сказал кто-то.

Набравшись храбрости, Гвендолин взглянула на своих спасителей. Первым, кого она увидела, оказался молодой мужчина в охотничьем костюме и высоких сапогах. Шляпу он то ли не носил вообще, то ли она слетела во время быстрой скачки, и короткие тёмные волосы разлохматились, предавая незнакомцу легкомысленный вид.

Второй мужчина, постарше и одетый намного проще, очевидно был лишь слугой и почтительно держался за спиной хозяина, когда тот наклонился к Гвендолин и подал руку.

– Целы? – Получив в ответ кивок, он ухватил её запястье горячими даже через замшевую перчатку пальцами и резко дёрнул, поднимая Гвен на ноги. – Ваше счастье, что мы оказались рядом.

– К-кто вы? – запинаясь, спросила она.

– Эмрис Торнбран. Альд Эмрис Торнбран, – уточнил он, очевидно, решив, что ей самой непросто будет распознать в нём аристократа. На красивом холёном лице промелькнула усмешка. – А кто вы, и как забрели в мои владения?

– В ваши? – смутилась Гвен, поняв, что замечталась и отошла уже далеко от Трелони.

– Да вы, похоже, совсем околели! – неверно истолковал её растерянное бормотание спаситель. – Сейчас мы это исправим.

Она ожидала, что он предложит ей фляжку с чем-нибудь горячительным, чтобы согреться, и уже приготовилась вежливо отказаться, когда альд Торнбран вдруг щёлкнул пальцами. Глаза его, сразу казавшиеся просто серыми, налились зеленью, и по телу Гвен словно пронёсся горячий ветер. Он высушил одежду, растопив колкие снежные крупинки.

– Рисуюсь, – ухмыльнулся мужчина.

Гвендолин потупила взор и отодвинулась на несколько шагов. Несмотря на то, что её вещи высохли, и должно было стать теплее, по коже пробежали ледяные мурашки. Торнбран – Гвен вдруг вспомнила, где уже слышала его имя. С этим магом встречался альд Линтон в день её приезда.

– Спасибо, – заставила себя произнести она. – За... всё... Простите за доставленные хлопоты...

Развернулась и быстро зашагала прочь.

– Чудная, – хмыкнул ей в спину маг. И тут же скомандовал – видимо, слуге: – По коням, Джером. Я же сказал, что хочу поохотиться? По-моему, разбойники – отличная дичь.

Сказано это было таким тоном, что разбойникам Гвен не завидовала. Но, впрочем, и не сочувствовала. Всё, чего она хотела – скорее убраться подальше и, хоть никто и не думал её

останавливать, боялась даже оглянуться, а когда, спустя время, увидела сквозь поредевший лес деревню, припустила бегом.

– За вами точно призраки гнались! – прокомментировала её возвращение Талула. – Просто лица нет! Никто не обидел?

– Всё в порядке, – нервно отмахнулась Гвен. – Приготовь чай! Только не предлагай больше те чёрствые булочки, их нужно скормить птицам!

О своей необычной находке она вспомнила уже после ухода служанки. Разглядывая каменный шарик, Гвендолин чувствовала исходящее от него тепло. Словно она сжимала в ладонях кусочек солнца, но ласковый, ничуть не обжигающий. Должно быть, какая-то магическая штука, но для чего она?..

Воспоминания, как обычно бывало, пришли без предупреждения. Нахлынули солёной морской волной, сбивая с ног. Стало тяжело дышать, точно чьи-то холодные пальцы стиснули её сердце.

Просторная тёмная комната – несмотря на то, что в доме не бедствуют, свечи экономят всё равно. Тяжёлые занавески из плотной жёсткой материи пахнут пылью. За ними прячется девочка в коротком платье с оборками. Волосы заплетены в косу, перевитую голубой ленточкой. Ладонки всё ещё пощипывает от ударов линейкой.

– Бездарность! – Слова – как удар кнута. – И это моя дочь? Недоразумение! Ошибка природы!

– Успокойся, – второй голос звучит размеренно, но за мягкой интонацией пробивается беспокойство.

– Я потратил целый день на то, чтобы хоть чему-нибудь её научить, но нет! Проверка не ошиблась. В ней нет и не будет ни капли магических способностей, ни малейшей искорки дара.

– Они могут проявиться позже.

– Уверен, такого не случится. Ты ведь помнишь? Я в её возрасте...

– Ты – другое дело.

– Почему мой сын, мой наследник, умер? Почему не стало моей жены? Почему их нет, а она выжила?

– Не говори так. Малышка не виновата в слабом здоровье матери и в том, что в город пришла эпидемия, убившая её брата. Как и в том, что у неё к болезни оказался иммунитет.

– Больше не хочу её даже видеть.

Занавески нещадно колются, но маленькая Гвен утыкается в них лицом и плачет навзрыд, больше не беспокоясь о том, что её могут обнаружить в этом ненадёжном укрытии. Кажется, она может умереть прямо здесь и сейчас, и отец не станет горевать. Более того – вздохнёт с облегчением...

Воспоминания рассеялись, оставив в слезах девушку, сидящую на краешке жёсткой кровати. Разжав пальцы, она наблюдала за тем, как шарик медленно покатился по полу и остановился в углу. Затем вытерла щёки и подняла шар, золотистые огоньки в котором, казалось, засияли ярче, напоминая звёзды, вспыхивающие и гаснущие на ночном небе, и спрятала в шкапулку с украшениями. Пока более подходящего места не найдётся, лучше ему полежать здесь.

Склонившись над привязанным к стулу человеком, Эмрис Торнбран всмотрелся в бледное лицо с потухшими глазами и раздражённо цыкнул. До чего нежные, оказывается, эти разбойники! А ведь он их и пальцем не тронул, так – слегка «пощекотал» магией. Первый лишился сознания почти сразу же, второй продержался достаточно, чтобы ответить на все вопросы, но рассказал не так уж и много. А хуже всего, что после этого рассказа Эмрис чувствовал себя дураком. Кинулся за бродягами, приставшими к какой-то девице, а поймал, как выяснилось, воров. И обокрали те не кого-нибудь, а самого же альда Торнбрана. Причём он об этой краже мог и не узнать, как не подозревал даже о том, что в замке хранился этот шар: дядюшка Сайлас

оставил в наследство столько хлама, что всего и не упомнишь. Но кому-то этот хлам вдруг понадобился настолько, что он нанял людей его выкрасть.

– Нужно сообщить в Службу Правопорядка, – сказал альд Торнбран слуге. – Но только о проникновении в замок, а не о краже. Не хочу выставлять себя на посмешище перед законниками.

– Но ведь тогда их, – Джером кивнул на скрученных преступников, – почти тут же отпустят. Отделаются неделей, если за ними других проступков не числится.

– Я этого и хочу.

Назвать нанимателя воры не могли, на условленную встречу с ним уже опоздали, но, быть может, тот сам решит их найти, когда они окажутся на свободе. Но сначала нужно отыскать девицу, которая, по словам разбойников, подобрала шар. То-то эта бледная овечка так странно себя вела! А он даже имени её не узнал.

– Ничего, – зло прошептал маг, с хрустом разминая пальцы. – Никуда она от меня не денется, кем бы ни была.

Ошибкой было считать, будто Эмриса Торнбрана можно оставить в дураках. И кому-то предстояло жестоко поплатиться за эту ошибку.

Глава 6

На следующее утро Гвен велела себе забыть о случившемся накануне, ведь наступил день рождения Джесмин, и на праздник надлежало явиться в соответствующем настроении. Правда, сделать это было не так просто, как сказать, но она старалась. Выбрала среди привезённых с собой книг толстый сентиментальный роман, завернула в красивую бумагу и приложила открытку ручной работы, делать которые научилась в пансионе. Привычное унылое платье сменила на самое нарядное из своих – из шуршащей зелёной тафты, украшенное фестонами на подоле, – и завила локоны, с чем промучилась почти целый час, несмотря на помощь Талулы.

– Вы просто куколка! – восхитилась полученным результатом служанка. – Проходу от парней не будет! Смотрите, ещё затмите Джесмин. Она вам этого не простит!

В шутках Талулы слышалось предостережение, но явившись в дом старосты одной из первых, Гвен тут же угодила в объятия виновницы торжества и её матери, и ни та, ни другая не выказали и малейшего намёка на недовольство или ревность. Подумалось, что это оттого, что они обе добры к ней, а еще потому, что обаяние Джесмин не затмить новым платьем и причёской.

Если кто и ревновал, то это другие приглашённые на праздник девушки, ведь за ломившимся от угощения столом именно чужачке-учительнице досталось место рядом с именинницей. Но отнюдь не завистливый шепоток смутил Гвен. Джесмин удалось заманить на торжество молодого человека, который был в числе музыкантов, игравших под окнами школы. Вблизи он выглядел немного старше, да и оделся куда лучше, чем в тот вечер. Вышитый бежевый жилет, подобранный ему в тон шейный платок. Чуть длинноватые для мужчины русые волосы причёсаны аккуратно – видно, что тщательно собирался, готовясь отправиться в гости. Но сильнее всего привлекали внимание его глаза цвета небесной лазури, казавшиеся ещё светлее из-за контраста с тёмными густыми бровями, по изгибу которых так и хотелось провести кончиком пальца.

Поймав себя на неподобающих мыслях, Гвендолин отвела взгляд. И кто только придумал посадить их друг напротив друга? Джесмин, не иначе.

– Ты ничего не ешь, – шепнула та, коснувшись руки Гвен. – Салат я сама приготовила. По рецепту из кулинарного журнала. Его по моей просьбе доставили из города. Там написано, что такие кушанья подают на стол самой королеве! А ещё у нас есть апельсины! Их привезли по железной дороге! Представляешь? Ты когда-нибудь ездила на поезде?

Гвен молчала. Она помнила яростный рёв, напоминающий рык огромного животного, оглушительный скрежет и плотные облака дыма. Помнила, как стояла на перроне, замороженная неумолимым приближением тянущего за собой вагоны чёрного паровоза. Помнила, как пальцы, держащие её руку, разжались...

Осознав, что собеседница повторила свой вопрос, покачала головой.

– Нет, никогда.

Воспоминания, как ни старайся, прорывались сквозь радостный гомон праздника, но Гвен загоняла их обратно, в самые дальние уголки своего сердца.

После того, как гости поднялись из-за стола, начались танцы. Гвендолин стояла в окружении деревенских девушек, наблюдая за тем, как напротив них переминались с ноги на ногу молодые люди. Её удивило, что первыми танцевать начали представители старшего поколения. Даже родители Джесмин! Под аккомпанемент оркестра, который Гвен видела под своим окном, они отплясывали так лихо, что у жены старосты растрепалась причёска и покраснелись щёки.

Саму Джесмин тоже пригласили. Судя по её реакции, тот самый парень, который ей нравился. Невысокий, чернявый, с хитроватым смазливим лицом. И что только она в нём нашла?

Задавшись этим вопросом, Гвендолин не сразу заметила приблизившегося к ней молодого человека.

– Позвольте пригласить вас на танец?

– Что? – Резко подняв голову, она посмотрела в лучистые светлые глаза. – Но... мы друг другу не представлены.

– Меня зовут Криспин Дэй, – ответил он с улыбкой. – А вас – Гвенда Грин.

– Сегодня вы не играете и не поёте с ними? – Гвендолин кивнула на музыкантов. Те как раз сменили задорную мелодию на более медленную.

– Нет, сейчас мне хочется быть среди танцующих. А вам? – Криспин протянул руку, и Гвен вложила пальцы в его широкую ладонь.

Она не танцевала так давно, что почти забыла нужные движения, но здесь, в Трелони, это никого не волновало. Каждый плясал так, как умел. В один танец проникали элементы других, танцующие сближались на неприличное расстояние, почти обнимая друг друга на глазах у всех. Происходящее смущало, потому Гвендолин не смотрела на остальных – только на того, кто вёл её в танце, ловко огибая препятствия и, к счастью, не стремясь привлечь Гвен к себе слишком близко. Но она всё равно слышала, как он негромко подпевал музыкантам:

Я милую мою ищю

В лесу, в полях и на лугах.

Её за прошлое прощю

И ей скажу, что сам неправ.

Я моей милой подарю

Кольцо, букетик и рассвет.

С родными я поговорю,

*Чтоб не сказала слова «нет».**

«Чтоб не сказала слова «нет»... – мысленно повторила Гвендолин. – Жених, выбранный моим дядей, как раз с родными всё и решил, что не помешало мне убежать. Интересно, как же там справляется Гвенда?»

– Вы не устали? – шепнул ей на ухо партнёр по танцу. Его мягкие волосы коснулись её щеки, и девушка вздрогнула от непривычного ощущения. – Ещё один круг?

– Да, – отозвалась она. При мысли о том, что на следующий танец её пригласит кто-нибудь другой, желания останавливаться не возникло. Да и не хотелось почему-то, чтобы Криспин Дэй приглашал кого-то, кроме неё, так что за новым кругом последовал ещё один, и ещё...

Когда музыка стихла, и исполнители потребовали напоить их и дать отдохнуть, Криспин удержал руку Гвен в своей:

– Мы ведь ещё увидимся?

– Трелони – маленькая деревня. Тут сложно не столкнуться с кем-то из знакомых.

– Что ж, тогда я постараюсь чаще проходить мимо школы. И, может быть... – он вдруг приблизился и склонился к её лицу. – Может быть, вы пригласите меня на чай.

Отвесив поклон, он отошёл к музыкантам, а Гвен направилась к Джесмин, которая раздавала холодные напитки. Разгорячённые танцами гости охотно принимали глиняные кружки.

– Пока вы танцевали, остальные сгорали от зависти, – хихикнула дочь старосты. – Кроме меня, конечно. Я, так и уж быть, великодушно уступлю тебе этого молодчика.

Гвендолин прижала ладони к заалевшим щекам и вспомнила вдруг, какой маленькой казалась её рука в руке Криспина.

– Не смущайся! – подбодрила Джесмин. – Для чего ещё нужны танцы? Погоди, сейчас игры начнутся, вот там...

– Игры? Нет-нет, я пойду! Прости, устала что-то, и голова разболелась...

– Бросаешь меня? Ладно. Но тогда я подыщу тебе провожатого.

Не слушая возражений, Джесмин юркнула в гущу гостей и вскоре вернулась, приведя с собой того, кого Гвен больше не требовалось представлять.

Вопреки опасениям, Криспин Дэй совершенно не выглядел расстроенным от того, что его лишили продолжения праздника, отправив провожать вдруг пожелавшую уйти гостью. Сказал, что не силён в играх, и хоть Гвендолин в это не поверила, ей было приятно, что молодой человек предпочёл её общество развлечениям.

Дорогой она немного разузнала о нём. Объяснились правильная речь и манеры фермерского сына: оказалось, он долго жил в городе, где учился на часовщика.

– Вам удалось? – любопытствовала Гвен.

– Почти, – хмыкнул он. – Почему-то все представляют себе часовщиков чудаковатыми старцами с нечёсаными бородами и неохотно идут с просьбами о починках к молодому мастеру.

– Понимаю, – улыбнулась Гвендолин. – Школьных учителей обычно тоже представляют взрослыми. Но это – временные трудности. Ещё лет десять, и я буду полностью соответствовать представлениям о правильной учительнице.

– Что же, вы всю жизнь собираетесь здесь преподавать?

– Возможно, – ответила она уклончиво. – А вы... ведь скоро уедете? Джесмин сказала, вы тут лишь затем, чтобы продать дом родственника.

– Может быть, и задержусь на какое-то время, – чуть понизив голос, точно они были заговорщиками, проговорил Криспин, и Гвендолин не удержалась от взгляда в его сторону. – Пока мне здесь нравится. А вам?

– Что? Да. Да, я понемногу осваиваюсь, – вздохнула она. Не рассказывать же о том, что здание школы нуждается в ремонте, вместо любимых бисквитов к чаю подают в лучшем случае хлеб с вареньем, а умываться приходится едва тёплой водой, потому что у Талулы вечно не хватает терпения нагреть её до нормальной температуры.

– Но вы ведь привыкли к другой жизни? – проницательно поинтересовался новый знакомый, и щёки Гвен вспыхнули то ли от такой догадливости, то ли оттого, что он подошёл чуть ближе и сейчас почти касался её рукавом.

– Я знала, что пансион – не навсегда, – ответила она, справившись со смущением. – Кроме того, у меня нет семьи. Значит, я должна стать самостоятельной.

– Похвальное стремление. Но кто-то вам наверняка покровительствует? Какой-нибудь родственник, друг...

– Нет! – поспешно откликнулась она, помотав для убедительности головой. – Никто. Почему вы спрашиваете?

– Мне тяжело видеть, что такой девушке, как вы, не на кого опереться в этом жестоком мире.

– Такой девушке, как я? – Гвендолин даже приостановилась. – Что вы хотите этим сказать?

– Что вы хороши собой, умны и прекрасно танцуете.

– Вот уж в последнее не поверю! – прыснула она, вспомнив, как пару раз едва не отдала своему кавалеру ноги. – Вы скорее спасли остальных гостей, не позволив никому больше меня пригласить.

– Можете и так считать, но я останусь при своём мнении, – отозвался молодой человек, и по голосу Гвен поняла, что он улыбается.

Распрощались они у школьных дверей. Проситься на чашку чая Криспин не стал, обещав заглянуть как-нибудь днём. И пожал её руку, ненадолго задержав в своей.

Поднявшись в свою квартирку, Гвен вдруг осознала, что целый вечер не вспоминала ни о вчерашнем происшествии в лесу, ни даже об Арчибальде.

** Стихи Светланы Казаковой.*

Глава 7

Можно было не сомневаться, что с утра Джесмин примчится чуть свет. Именно так и случилось.

– Ты должна мне всё-всё-всё рассказать! – затараторила она с порога. – Что было вечером? О чём вы говорили? Ах, как сгорают от зависти наши кумушки, не представляешь! Точно лисы, перед которыми захлопнули дверцу курятника! Когда вы вдвоём ушли, и он так и не возвратился, все заговорили о том, будто... Ну, я, конечно, сказала, что ты совсем не такая, и пусть только кто-нибудь ещё посмеет очернять имя нашей госпожи учительницы – мигом отведает тумака!

– Спасибо, – поблагодарила Гвен, думая, как ей повезло. Наверняка дочь старосты не впервые защищала её перед обитателями Трелони, и без такой поддержки Гвендолин пришлось бы стократ сложнее на новом месте. А любознательной Джесмин, видимо, скучно было с местными девушками, чьи интересы ограничены замкнутым мирком деревни, вот она и тянулась к новой учительнице. Но даже если всё обстояло не так, Гвен всё равно не решилась бы прямо спросить приятельницу о причинах её расположения к себе. Просто радовалась так быстро завязавшейся дружбе.

– Эх, жаль, что школа близко! – растянула с придыханием Джесмин, возвращаясь к разговору о Криспине. – С таким парнем можно было бы и до утра прогулять! Ну, рассказывай, о чём вы с ним говорили?!

Гвен поведала всё без утайки, ведь в их разговоре с молодым человеком не было ничего такого, чего приличная девушка должна бы стыдиться. Разве только её собственные мысли, но о мыслях Джесмин не спрашивала, и Гвендолин оставила их при себе.

Всё равно то были пустые мечты. Криспин, верно, позабыл о своём обещании заглянуть на чай, и весь второй выходной Гвен после ухода Джесмин провела в одиночестве. Зато хорошо подготовилась к завтрашним занятиям и дописала несколько страниц к истории Арчибальда. А вечером достала из шкатулки переливчатый шарик.

Сегодня его тепло не будило воспоминаний о давнем прошлом. Даже столкновение с разбойниками и встреча с магом казались теперь далёкими-далёкими, и катая в ладонях магическую вещицу, Гвен не чувствовала ничего, кроме лёгкости и умиротворения. Но ведь у шара наверняка есть хозяин, и, если тот вдруг отыщется, придётся вернуть ему чудесную вещь. Впрочем, и эта мысль в голове надолго не задержалась, позволив Гвен уснуть свободной от всех тревог, почти счастливой.

А гость к ней всё же наведалься, но совсем не тот, которого она ждала: в первый день новой учебной недели в школу приехал альд Линтон.

Сквайр появился во время последнего урока. Увидев его в дверях классной комнаты, Гвен растерянно оборвала рассказ и наверняка вскочила бы, если бы Хлоя, малышка, которую водил с собой на занятия старший брат, не сидела в тот миг у неё на коленях. Обычно тихая девочка сегодня, как назло раскапризничалась, и Гвендолин не придумала ничего иного, чем взять её на руки, чтобы успокоить, из-за чего со стороны урок, наверное, перестал выглядеть уроком, а Гвен – серьёзной учительницей. Но ссаживать ребёнка с колен было поздно, а если бы Хлоя снова расхныкалась, стало бы лишь хуже.

– Добрый день, альд Линтон, – выдавила Гвендолин, запинаясь и краснея.

Если он прибыл, чтобы проверить, как она справляется с обязанностями, выводы сделает наверняка для неё нелестные. А если кто-то уже пожаловался, что новая учительница не умеет работать с детьми? Что ж, подтверждение тому сквайр увидел собственными глазами. Она даже

не нашлась, как напомнить ученикам, что следует поприветствовать гостя, и те продолжали молча таращиться на вошедшего в класс мужчину.

– Добрый день, – поздоровался тот. – Простите, не хотел мешать. Продолжайте, пожалуйста. С вашего позволения я тоже послушаю.

Брови Гвен непроизвольно приподнялись от удивления. Карлион Линтон вовсе не выглядел рассерженным. Он прошёл к пустой парте в последнем ряду, сел, словно прилежный ученик, и приготовился слушать учительницу. Наверное, решил проверить, насколько Гвендолин компетентна в этой роли.

Пришлось взять себя в руки и продолжить урок. Поначалу голос дрожал от волнения, но ведь недаром она подготовилась накануне и большой деревянный глобус не зря отыскала в кладовой, где хранились пособия. Правда, из-за Хлои у Гвен не получалось показывать материки и океаны, о которых она говорила, но дети увлеклись рассказом о дальних странах и не галдели как обычно, а сама Гвен, если и сбивалась, то лишь в те моменты, когда встречалась взглядом с альдом Линтоном. Она чувствовала себя словно на экзамене, однако «экзаменатор» благосклонно улыбался, и вскоре она почти перестала нервничать, хоть и постаралась закончить урок поскорее. Всё же география – не самая важная наука для деревенской ребятни, зато успешно заменила сказки, которых сегодня, к радости учительницы, никто не потребовал. Вряд ли альд Линтон одобрил бы такой способ преподавания.

– Вы замечательно справляетесь. – Дождавшись, когда дети покинут классную комнату, сквайр приблизился к Гвен, смущённо переминавшейся с ноги на ногу у учительского стола. – Надеюсь, мой визит не слишком нарушил планы на урок?

– Нет-нет, – заверила Гвендолин. – А вы...

– Приехал, чтобы узнать, как вы устроились на новом месте, – ответил на непрозвучавший вопрос Карлион Линтон. – И узнать, не нужна ли какая-нибудь помощь.

– Нет, я... Я справляюсь, как вы заметили...

Не зная, как себя вести и что делать, Гвен зачем-то схватилась за глобус, забыв, насколько тяжёл раскрашенный деревянный шар, и едва не уронила его на пол.

– Нужно убрать, – пробормотала сконфуженно, прижимая глобус к груди. – Дети, они...

– Могут решить, что это игрушка, – закончил сквайр. – Признаюсь, я сам когда-то считал, что это – мяч для забав. Оттого он в таком плачевном состоянии.

Мужчина с задумчивой улыбкой коснулся царапин на дереве, невзначай задев пальцы Гвен.

– Это был ваш глобус? – поняла она.

– Давно. Стоял в отцовском кабинете. После пылился на чердаке. Когда открылась школа, я подумал, что тут он ещё послужит. – Альд Линтон аккуратно забрал у Гвен тяжёлый шар. – Хоть с этим позвольте вам помочь? Куда его отнести?

– Я покажу.

Гвен пошла вперёд, радуясь, что на прошлой неделе успела перебрать хранившиеся в чулане вещи и велела Талуле вымыть там всё от пыли.

– Он стоял на этой полке, – сказала Гвен, первой входя в тесную коморку рядом с ведущей на второй этаж лестницей.

Карлион Линтон вошёл следом, но едва он приблизился к указанному Гвен стеллажу, как дверь в чулан захлопнулась. Послышался скрежет задвигаемого засова, сдавленный смех и быстро удаляющийся топот нескольких пар башмаков.

«Наверняка братья Бенсоны», – пронеслось в голове у Гвен. Ей с самого утра чудилось, что мальчишки, перешёптываясь и переглядываясь на уроках, замышляют какую-то шалость. Но такое!.. Лучше бы снова была мышь!

– Однако, – обескураженно пробормотал альд Линтон. Света, проникавшего через узкое окошко над дверью, хватало, чтобы увидеть как вытянулось от изумления лицо мужчины.

– Это дети, – протараторила Гвен. – Наверное, не видели, что мы вошли. Решили, что дверь бросили открытой...

Оправдания звучали нелепо. Она сама ни на миг не верила, будто приехавший с проверкой землевладелец примет эти объяснения, но, страшась его гнева, продолжала и продолжала говорить, пока не почувствовала, что слёзы вот-вот брызнут из глаз.

– Не стоит оправдываться, – покачал головой сквайр, когда она, всхлипнув, всё же умолкла. – Вы правы, это лишь дети.

– Я совершенно с ними не справляюсь, – призналась, сдержав рыдания, Гвендолин. – Я – ужасная учительница.

– Отнюдь. Я ведь видел вас на уроке, с малышкой на коленях. Признаюсь, пожалел, что не обладаю талантами своей сестры, чтобы нарисовать увиденное.

Смахнув слёзы, Гвендолин с удивлением подняла на мужчину глаза. Голос его звучал спокойно, а на губах играла улыбка.

– Ни одна драгоценность не подчеркнёт так красоту женщины, как ребёнок на её руках, – закончил он.

– У вас?.. – опомнившись, Гвен прикусила язык, но альд Линтон понял, о чём она собиралась спросить.

– Нет, – покачал головой. – Детей у меня, к сожалению, нет.

– Простите, – пролепетала Гвендолин. – Вы так говорили, и я подумала, что вы очень любите детей, раз уж... Но вы ведь можете жениться снова...

От страха и волнения она сама не понимала, что говорит, иначе ни за что не вела бы себя настолько бестактно.

Альд Линтон неожиданно рассмеялся.

– О, вижу, местные сплетницы уже просветили вас относительно моих семейных дел. Могу лишь надеяться, что вы не поверили в то, что я закопал супругу в лесу. Так ведь поговаривают в деревне?

– Нет! Что вы! В этом обвиняют вовсе не вас! – снова не сдержалась Гвен, вспомнив слова Джесмин о том, что альду Линтон мог убить любовник.

Ответом ей опять стал смех, но теперь в нём слышалась горечь:

– Для кого-то красочный вымысел интереснее неприглядной правды о том, что жена покинула меня ради моего лучшего друга. Но мне не хочется, чтобы вы верили в эти несурезицы, Гвен. – Последнюю фразу сквайр сказал уже серьёзно и тем же тоном продолжил: – Мы развелись. Без скандалов и ненужного шума. Даже встречаться лишний раз не пришлось, хватило подписанного согласия. Моя бывшая супруга и... её избранник сейчас здесь, – Карлион Линтон, не глядя ткнул пальцем в глобус, который держал до сих пор в руке. – Или здесь. Путешествуют по миру и сюда, полагаю, уже не вернуться. Вы ведь тоже мечтаете о путешествиях?

Видимо, он хотел сменить тему, но для Гвен вопрос прозвучал как обвинение.

– Вряд ли я смогу себе это позволить, – проговорила она, потупившись.

– Не отчаивайтесь, – в голосе собеседника вновь слышалась улыбка. – Не отказывайтесь от мечтаний, и однажды найдётся человек, который исполнит их для вас.

Возможно, Гвендолин набралась бы смелости и спросила, что он имел в виду, но в этот миг заскрипел засов и раздался удивлённый возглас Талулы:

– Госпожа Гвенда? С кем это вы тут...

Увидев, с кем беседует в запертом чулане учительница, служанка охнула и отступила от двери.

– Дети шалят, – сдержанно объяснил опешившей женщине альд Линтон. Поставил глобус на полку, вышел в коридор и обернулся к замешкавшейся Гвендолин. – Всего лишь небольшое недоразумение, да?

Она закивала, соглашаясь.

– Всего доброго, Гвен, – поклонился сквайр. – Был рад пообщаться... даже в такой обстановке. Но в следующий раз предпочёл бы поговорить за чаем.

– Ох, негодники! – всплеснула руками Талула после его ухода. – Бенсоны, небось? Хотя ведь не абы с кем заперли, с альдом...

– Не вижу в этом ничего забавного, – сердито прервала её Гвендолин. – И надеюсь, слухи об этом происшествии не пойдут гулять по деревне.

Карлион Линтон свёл всё к шутке, над которой сам и посмеялся, но, судя по их разговору, ему не привыкать к тому, что его имя окружено сплетнями и домыслами. У Гвен подобного опыта не имелось, и приобретать его она не желала, как и терпеть впредь непозволительное поведение некоторых учеников, а потому, выведав у Талулы, где живут Бенсоны, отправилась побеседовать с отцом неугомонных мальчишек.

Идти пришлось на другой конец деревни. Снег наконец-то растаял, под ногами сочно хлюпало, и подол платья был уже в грязи, но Гвен не сбавляла решительного шага, на ходу обдумывая, что скажет Бенсону-старшему. От него скрывать выходку сыновей она не собиралась, пусть знает, что сегодня те напакостили не только учительнице, а самому сквайру! Можно было и приврать немного для остротки, сказав, что альда Линтона рассердила эта выходка. Гвен как раз размышляла, простительна ли в данном случае подобная ложь, когда заметила виновников своего недавнего «заточения». Братья Бенсоны, все трое, в компании ещё нескольких мальчишек развлекались тем, что бросали камни в большую лужу, растёкшуюся посреди улицы, и Гвендолин остановилась, опасаясь, что у озорников хватит и дерзости, и сообразительности подгадать, чтобы при следующем броске её обдало брызгами грязи с головы до ног.

Пока она, укрывшись за толстым стволом дерева, думала, как пройти к дому мальчишек без ущерба для своего наряда и гордости, в конце улицы показался всадник. Видно, человек был не местный, так как дети, прервав своё занятие, с любопытством зашущукались. Двое даже убежали, будто испугались чего-то. Гвен это насторожило. Никого из взрослых она поблизости не видела и решила, что должна показаться, чтобы чужак не вздумал обидеть ребят, однако, присмотревшись к приблизившемуся всаднику и узнав в пожилом человеке того самого слугу, что сопровождал встретившегося её на прошлой неделе мага, осталась в своём укрытии. Сердце взволнованно забилось, хоть казалось, для того не было никаких причин.

Когда Гвен отважилась снова выглянуть из-за дерева, мужчина, свесившись с лошади, говорил о чём-то с двенадцатилетним Марком – старшим из братьев Бенсонов. Потом достал из кармана монетку, бросил мальчишке и, развернув лошадь, поскакал прочь. Выждав ещё немного, Гвен отважилась подойти к детям. Она ведь учительница, и её долг заботиться об учениках не только в школе.

– Марк! – негромко окликнула она мальчика. – Подойди, пожалуйста.

Тот уставился на неё с удивлением, после оглянулся по сторонам, будто раздумывал, не сбежать ли, но всё же пошёл навстречу. А вот его младших братьев и друзей точно ветром сдуло.

– Чего хотел тот человек? – строго и чуть обеспокоенно спросила Гвен. – Он... тебя не обидел?

Поняв, что его не собираются бранить, Марк шумно выдохнул и замотал головой:

– Нет. Он хотел узнать не живёт ли у нас в деревне одна девушка.

– Какая девушка? – насторожилась Гвендалин.

– Такая... – Мальчишка окинул её плутоватым взглядом. – Вроде вас ростом. И волосы как у вас. И глаза. И пальто похожее... Я сказал, что в Трелони таких нет.

– Спасибо, – пробормотала Гвен. – Но... почему?

– Знаем мы этого дядьку, – серьёзно ответил Марк. – Он в проклятом замке служит.

– В каком?

– В замке Торнбран. Его у нас иначе чем проклятым или жутким не зовут. Там зимой знаете, сколько народу поубивали?

Холодок пробежал у Гвен между лопатками, заставив нервно передёрнуть плечами.

– Не бойтесь, – успокоил её ученик. – Вы хоть и ругаетесь, и линейкой стучите, и задачки решать заставляете, в жуткий замок мы вас не выдадим. Истории у вас всё же интересные бывают.

– Я... тоже тогда вас не выдам, – решила Гвен. – Ни вашему отцу, ни альду Линтону. Но чтобы больше такого не было, хорошо?

Мальчишка, подумав, кивнул.

Гвендолин порадовалась бы перемирию с главным зачинщиком безобразий, но, к сожалению, непослушание учеников не было большей из её проблем. Зачем только она пошла тогда в лес? Зачем взяла тот шар?

Последний вопрос отпал сам собой, когда, оказавшись в своей комнате, Гвен достала магический предмет из шкатулки, и ладони и сердце согрело знакомым теплом. Взяла, потому что не могла не взять.

Глава 8

Следующие несколько дней ничего интересного не происходило, если не считать того, что на север королевства окончательно и бесповоротно пришла весна. От снега не осталось и следа, свежий ветер разогнал с неба серые тучи, а музыку капели сменил щебет птиц. Жители Трелони приступили к работе в полях, и Гвендолин отпускала детей пораньше, чтобы они могли помогать родным, а сама возвращалась к своей рукописи и, если бы не каменный шарик, уже забыла бы и встретившегося в лесу мага, и его слугу.

Однажды, когда ученики разошлись по домам, а Гвен развешивала в классе географические карты для завтрашнего урока, за её спиной послышались шаги.

– Позвольте помочь?

Обернувшись, она увидела прямо перед собой лучистые голубые глаза – так близко, что ещё немного и в них можно было бы утонуть.

– Добрый день! – улыбнулся Криспин Дэй. – Помнится, вы не возражали, когда я сказал, что как-нибудь загляну.

– И сейчас не возражаю, – ответила на улыбку Гвен, решив не напоминать, что с того разговора прошел уже не один день. – Давайте закончим с этим, а затем я напою вас чаем.

– Мне хотелось прийти раньше, однако подвернулся выгодный заказ. Ремонт часов одного из деревенских жителей. Они передаются в его семье по наследству из поколения в поколение, и он собрался отдать их дочери, как вдруг заметил поломку.

Не прерывая рассказа, Криспин подхватил второй конец шуршащей карты и ловко пришил его к доске. Затем выровнял нижний край, проведя по нему ладонью. Их руки почти соприкоснулись, но Гвен тут же отдернула свою.

– Вам никогда не хотелось посмотреть мир? – спросила она, кивнув на карту.

– А вам? – вопросом на вопрос ответил молодой человек.

Второй раз на этой неделе у Гвен зашёл разговор о путешествиях с мужчиной, но это был другой мужчина, и ему эта тема не напоминала о неверной жене.

– Хотелось, – призналась Гвендолин. – Я слышала об одной женщине. Она осталась старой девой, родственники которой перестали нуждаться в её заботе. И тогда, собрав все накопления, она отправилась в жаркие страны. Там помогала местным жителям, изучала растения, переплывала опасные реки и даже ударила зубастого крокодила зонтиком по голове, когда он осмелился ей помешать!

– Бедняга крокодил, – шутливо посочувствовал часовщик, – не ожидал, должно быть, такого.

– Вы мне не верите?

– Почему же? В виде исключения всё возможно. Но всё же путешествия и приключения – совсем не женское дело.

«Вот потому-то я и придумала Арчибальда, – мысленно заметила Гвен. – Ему куда проще справляться с трудностями, к тому же не приходится путаться в юбках».

Оставив классную комнату ожидать нового учебного дня, они поднялись на кухню. Талула отправилась навестить приятельницу в соседней деревне, так что чай Гвендолин приготовила самостоятельно. Поставила на стол остатки холодного пирога с курицей и грибами.

«И добавится же у деревенских поводов для сплетен, если его увидят выходящим из школы! – подумала она. – Но мы ведь ничего дурного не делаем, верно? Просто разговариваем».

– Чем занимаетесь, когда нет уроков? – любопытно спросил Криспин, расправившись с пирогом.

– Я... – Нет, о романе лучше не рассказывать! – Иногда хожу гулять, иногда остаюсь здесь и читаю.

– И, конечно, проводите время с подружкой?

– Да, с Джесмин. Вы приходили на её праздник, помните?

– Разве я могу забыть?

Поймав на себе пристальный взгляд, Гвендолин смущённо потупилась. Почему его присутствие так на неё действовало? Ведь он совершенно не походил на Арчибальда, как, впрочем, и никто другой из её знакомых. Совсем не стремился обойти весь мир. Ему вполне хватало той жизни, которая у него имелась.

А ей самой? Гвен очень сомневалась, что смогла бы бесстрашно размахнуться и приложить острозубого хищника зонтиком. Она ведь не сделала ничего храброго, когда встретила в лесу разбойников. Даже не позвала на помощь. Ей несказанно повезло, что маг и его люди охотились в тех местах.

Но везение – слишком ненадёжный предмет. Сегодня оно с тобой, а на другой день упорхнуло. Вот, например, Гвенда. Ей подвернулся шанс изменить свою жизнь, но чем он в итоге для неё обернулся? Почему до сих пор нет писем?

Криспин вдруг придвинулся чуть ближе, перегнувшись через стол.

– Вы позволите...

Договорить он не успел. Хлопнула дверь вниз, на лестнице раздались уже знакомые быстрые шаги. Спустя несколько мгновений в кухню влетела Джесмин.

– Вот ты где! Вы здесь?! Вот это да!

– Ты не... – поднявшись со стула, начала Гвендолин, но дочь старосты уже раскланивалась с гостем, расточая ему улыбки и лукаво подмигивая Гвен. Словно хотела сказать: «Вот я вас и поймала! Не уйдёшь теперь от ответов».

– А я проходила мимо, дай, думаю, забегу. Не иначе, скучаешь ты здесь без Талулы, думаю. А ты вовсе и не скучаешь!

– Но послушай...

– У меня тоже новости, и какие! – Джесмин не давала и слова сказать. Вытянула вперёд руку и пошевелила пальцами, на одном из которых красовалось кольцо с гранатом. – Я теперь помолвлена! С там самым, да, – со значением уточнила для Гвен. – Поздравления принимают!

– Поздравляю! – первым отозвался на новость Криспин. – Если пожелаете подарить наречённому хорошие часы, я знаю, где достать.

Гвен с поздравлениями замешкалась. Она была рада за Джесмин, получившую столь серьёзное подтверждение взаимности своих чувств, но ведь помолвка означала скорую свадьбу, а свадьба – это уже навсегда. Не слишком ли поспешно всё решилось? Некоторое время, пока гости обсуждали жениха и подарки, Гвен растерянно стояла на одном месте, затем, спохватившись, снова поставила чайник.

Как и следовало ожидать, после ухода Криспина Джесмин допрашивала Гвен целый вечер. Но рассказывать было нечего. По сравнению с новостями приятельницы Гвендолин не могла ничем похвастаться. На прямой вопрос о том, что чувствует к молодому человеку, она лишь пожалала плечами. Разве ответишь так сразу? Они и знакомы-то всего ничего, несмотря на ощущение, будто гораздо дольше. Да и не похоже, что он намеревался ухаживать за нею. Просто зашёл, оказавшись поблизости.

Точно так же, как на следующий день снова заехал в школу альд Линтон.

Как и в предыдущий раз он появился в середине последнего урока, но теперь у Гвен не было ребёнка на коленях, и она смогла провести занятие как положено. После проводила учеников до двери, чтобы убедиться, что никто не остался в здании школы, и на всякий случай строго погрозила пальцем братьям Бенсонам.

– Я уже говорил, вы прекрасно ладите с детьми, – улыбнулся сквайр, оставшись с Гвен в коридоре. – Но сегодня, признаться, хотел обсудить не вашу работу. Вернее, не эту... Один мой знакомый вскоре собирается посетить наши края, и я подумал, что мог бы представить вас ему.

– Зачем? – растерялась Гвен.

– Видите ли, – альд Линтон понизил голос до заговорщического шепота, – он – издатель. И полагаю, не откажется взглянуть на вашу книгу.

– Альд Линтон, вы... Вы не забыли обо мне! С вашей стороны...

– Пойдите, не благодарите! – остановил он Гвен, готовую от радости броситься ему на шею. – Я не могу ничего обещать. Но, если ваша история чего-то стоит, она обязательно будет издана.

– Несмотря на то, что я не мужчина?

– Уверяю вас, мой знакомый – человек без предрассудков. Он считает, что талантливым может быть любой, независимо от пола и возраста.

– Такие люди – большая редкость. Буду рада с ним познакомиться.

Волна радости схлынула, оставляя Гвен в смятении и сомнениях. Перемена настроения не укрылась от глаз её собеседника.

– Что вас беспокоит? – спросил он.

– Вы так добры ко мне, с самой первой встречи... – она на миг прикусила губу. – Не знаю, чем заслужила это, и не знаю, как смогу вас отблагодарить...

– Ох, Гвен, – сквайр с шутливым укором покачал головой. – В нашу первую встречу вы мёрзли на пустой станции. Мог бы я после считать себя порядочным человеком, если бы оставил вас там? Сейчас же... Сейчас вы – мой друг, я надеюсь. Вы ведь не откажетесь им быть?

– Конечно, нет!

– А что касается благодарности, – продолжил альд Линтон, будто не услышал поспешного согласия и не заметил, как вспыхнули её щёки, – я не отказался бы от чая. Ведь в прошлый раз мы условились поговорить за чаем, да?

И они действительно пили чай, сидя за столом в кухне, так как в квартирке Гвен не имелось гостиной. Видимо, никто не предполагал, что деревенская учительница будет принимать у себя посетителей, тем паче таких. Особенно Талула. Она суетливо переставляла посуду, поправляла скатерть и поминутно интересовалась, не желает ли благородный альд чего-либо ещё. Лишь после того, как гость в третий раз похвалил её пирог, женщина успокоилась и наконец-то догадалась, что не стоит мешать разговору.

Беседа вертелась в основном вокруг книги Гвен, но иногда альд Линтон спрашивал и о другом, и важно было не утратить бдительности и, забывшись, не сказать что-нибудь, чего никогда не сказала бы настоящая Гвенда Грин.

– Моё присутствие вас тяготит? – нахмурился Карлион Линтон, заметив, как она напряжена.

– Нет-нет, я просто задумалась о ваших словах. Вы предложили мне стать вашим другом, но, боюсь, общение со мной не будет вам в радость. Понимаю, вы скучаете по сестре и... – Гвен благоразумно умолкла, в последний момент осознав, какой бестактностью будет упомянуть сбежавшую супругу, и покачала головой: – Я не смогу заменить тех, кого вам так недостаёт.

– Вы не замените. Но вы можете стать для меня чем-то новым.

Сказано это было так серьёзно, что Гвендолин стало не по себе.

После отъезда альда Линтона она не раз вспоминала их разговор. Но волнующие недомолвки постепенно уходили из памяти, и в конце концов остались лишь мысли о предстоящей встрече с издателем.

Предвкушение сменялось паникой, страх – новым восторгом, мечты – боязнью разочарования, и так бесконечное множество раз в течение нескольких последующих дней. От тревог

не отвлекали ни занятия с детьми, ни визиты Джесмин. Лишь вечерами, катая в руках каменный шарик, Гвен могла забыть о переживаниях.

Вряд ли магический предмет создавали специально для того, чтобы успокаивать неуверенных в себе писательниц, и будь Гвендолин магичкой, она бы, наверное, смогла разобраться, для чего он на самом деле предназначен. Но, увы. Её брат, которого не стало, когда он был ещё ребёнком, унаследовал дар, а ей не досталось и крупницы. Гвен не позволяла себе думать о том, что всё могло бы сложиться иначе.

А шар? Что ж, он чудесно согревает руки и отгоняет печаль.

Гвен думала, что ничто, кроме её чудесной находки, не может заставить улыбаться так счастливо и безмятежно. И ошиблась.

Букетик нежно-лиловых цветов вызвал такую же улыбку. Разве что приправленную немного смущением, но это относилось уже к тому, кто принёс неожиданный подарок.

– Первоцветы! – ахнула Гвендолин, касаясь цветов, хрупких и в то же время сильных и неустрашимых, ведь они пробились из холодной земли, с которой едва сошёл снег. – Спасибо! – Она с благодарностью посмотрела на молодого человека, встретившего её на школьном дворе после ухода детей. – Я думала, вы уже уехали. Разве дом не продан?

– Нет, покупатели ещё думают, – без улыбки ответил Криспин Дэй. – Но если вы мне не рады...

– Я такого не говорила, – запротестовала Гвен. – Я рада...

Щёки вспыхнули пожаром. Ещё никто не дарил ей цветов. Деревенские парни, которые иногда заглядывали в школу будто бы для того, чтобы проведать младших братьев и сестёр, ухаживали за ней неуклюже, делая комплименты, звучащие грубовато, а порой и довольно смешно. Никому из них не приходило в голову порадовать её подобным образом.

– Вам нравится? – спросил Криспин.

Подняв на него глаза, Гвен улыбнулась.

– Как такой подарок может не понравиться?

– Может быть, вы предпочли бы что-нибудь другое? Шляпку? Драгоценности?

– У меня есть две вполне приличные шляпки, а драгоценности здесь надевать всё равно некуда.

Показалось, будто он хочет что-то сказать, но, как и в прошлый раз, помешало появление Джесмин.

– Почему ты не приглашаешь гостя в дом? – осведомилась она, поглядывая со значением то на молодого человека, то на цветы в руках Гвен. – Может, и меня заодно позовёшь. У меня столько новостей!

Новости Джесмин сводились теперь к рассказам о подготовке к свадьбе, но Гвендолин не хотелось отказывать подруге и упускать возможность продолжить разговор с Криспином. Пусть даже говорить они станут всё о той же свадьбе.

– Нужно поставить цветы в воду! – спохватилась она, усадив гостей на кухне. – Сейчас вернусь. Не скучайте!

В своей комнате она отыскала пылившуюся на шкафу вазу, ополоснула и наполнила водой. Осторожно коснулась пальцами нежных лепестков. Её первый букет... Несправедливо по отношению к цветам обрывать их, ведь без корней они завянут. Но теперь Гвен боялась заходить далеко в лес и наверняка не увидела бы первоцветов, если бы не Криспин Дэй.

Может быть, в следующий раз он пригласит её на прогулку?..

– Ты что так долго? – окликнула, прокравшись в комнату, Джесмин. Остановилась рядом, глядя на цветы. – Он их тебе принёс, да?

Гвен кивнула.

– А мой и не догадывается! – хмуро выпалила дочь старосты, но тут же вновь повеселела. – Я же говорила, что ты нравишься Криспину! Потому-то он и не торопится покидать

Трелони. Наверное, рассчитывает, что ты уедешь с ним. Или, может, хочет остаться здесь с тобой? Но для часовщика в деревне мало работы. Наверное, вам всё-таки придётся поселиться в городе.

– Ах, Джесмин, дай тебе волю, и ты придумаешь имена нашим детям! – не удержалась от смеха Гвендолин.

– Ну, девочку, думаю, вы назовёте в мою честь.

Гвен никогда не задумывалась об имени для дочери. Она выбрала только имя сыну, если когда-нибудь он у неё будет. Арчибальд.

Глава 9

Через несколько дней кучер Карлиона Линтона доставил Гвендолин приглашение от хозяина. Сквайр сообщал, что ждёт её на ужин накануне ближайших выходных. Также он просил захватить рукопись, чтобы показать знакомому.

Гвен надела то же зелёное платье из тафты, что и на день рождения Джесмин. Сбережений у неё почти не осталось, а скромное жалованье не позволяло тратиться на вечерние туалеты. Впрочем, её наряд, хоть и вышел из моды, выглядел вполне достойно.

В назначенный день тот же кучер заехал за Гвендолин, и, садясь в карету, она почувствовала себя сказочной замарашкой, приглашённой на бал. Принц её там не ждал, но она об этом и не мечтала, с нетерпением предвкушая нечто совсем другое, а именно встречу с настоящим издателем. Если ему понравится её роман, об Арчибальде узнает весь мир! Ну, или всё королевство, что тоже неплохо.

Дом альда Линтона показался Гвен в этот вечер особенно красивым. Она улыбнулась хмурой экономке и не без волнения вложила руку в ладонь приветствующего гостью хозяина. Сквайр встречал её так, точно она являлась особой королевской крови, а не учительницей в находящейся под его попечительством деревне. Он с почтением проводил её в гостиную и представил остальным гостям.

Из полутора десятка присутствовавших Гвен интересовал лишь один – столичный издатель, оказавшийся невысоким толстячком, который то и дело вытирал платком пот с лысины. Он был сама любезность и доброжелательность, и через несколько минут разговора Гвендолин почти позабыла о страхах. Почти – потому что какая-то смутная тревога всё же осталась. Словно нехорошее предчувствие. Или недобрый взгляд.

Гвен невольно огляделась и вздрогнула, встретившись глазами с человеком, которого не заметила сразу среди гостей. Альд Эмрис Торнбран. Сейчас он мало походил на встретившегося ей в лесу охотника: тёмные волосы аккуратно зачёсаны назад, костюм элегантен и, несомненно, баснословно дорогой, в галстукه поблёскивает бриллиантовая булавка. Облокотившись о каминную полку, маг пренебрежительно оглядывал собравшихся с ним под одной крышей людей, случайно или специально возвращаясь взглядом к Гвендолин. Узнал, сомнений не было. Но не подошёл. И виду не подал, что они уже встречались.

Гвен тоже не стала этого делать.

За столом ей досталось место рядом с издателем, и тот, не умолкая, рассказывал о каком-то гениальном авторе, в котором видел будущее литературы. Рукопись Гвендолин обещал посмотреть после ужина. Надо ли говорить, что ей кусок не лез в горло? Она тревожилась за судьбу книги, до финала которой оставалось совсем немного, боялась от волнения перепутать столовые приборы, а ещё её вгонял в смятение холодный изучающий взгляд Эмриса Торнбрана.

Когда ужин подошёл к концу, все, кроме Гвен и издателя, проследовали в гостиную. Они же вдвоём отправились в библиотеку, куда их проводила экономка. Впрочем, после нескольких вопросов и уточнений, человек, в руках которого находилось будущее Арчибальда, нацепил на нос очки и попросил оставить его наедине с рукописью.

На подгибающихся от волнения ногах Гвен вышла в коридор и остановилась, переводя дух.

– Гвенда Грин – я верно услышал ваше имя?

При звуках этого голоса, который Гвен, как оказалось, очень хорошо помнила, сердце забилось тревожно и часто, но выдержки хватило, чтобы, обернувшись, учтиво кивнуть оставившемуся в дверях курительной комнаты магу.

– Всё верно, альд Торнбран

– Мне нужно поговорить с вами. Наедине.

Гвен сама не понимала, почему вошла в комнату и позволила прикрыть за собой дверь, просто сил не было противиться звучащему в словах этого человека приказу. Нет, это была не магия, Гвен почему-то не сомневалась, не магия. И тем не менее...

– Я поймал разбойников, напавших на вас в лесу, – сообщил маг, приблизившись. – И допросил их. Лично.

– Вот как? – Гвендолин поёжилась. – Что же они сказали?

– Хм... Просто так рассказывать неинтересно. С вас два поцелуя. Один в благодарность за ваше спасение, а второй в качестве платы за сведения. Идёт?

– Вы хотите... – Гвен оторопела.

– Полно вам, я прошу всего лишь поцелуи, – усмехнулся наглец, сощуривав серо-зелёные глаза. – Или вы такая трусиха? Мы здесь одни, никто не увидит...

Гвендолин резко отстранилась.

– Мне не настолько интересно, что сказали разбойники, – проговорила она, стараясь сохранять достоинство, хоть дрожащий голос мало тому способствовал.

– Тогда – только за спасение.

Возразить она не успела. Одной рукой маг обнял её за талию, с силой привлекая к себе, а второй обхватил подбородок, не позволяя вырваться, и поцеловал. По-настоящему – крепко и настойчиво.

– Альд Торнбран!

Оторвавшись от её губ, маг взглянул на дверь, откуда к ним приближался хозяин дома.

– Что вы себе позволяете?!

– Вы против? – ухмыльнулся Торнбран. – Хотите оставить этот лакомый кусочек себе?

Не желая слушать продолжения разговора, Гвендолин выбежала из комнаты. Карлион Линтон догнал её в коридоре. Ухватил за локоть и затянул в опустевшую столовую.

– Вы должны сейчас же позволить мне уехать! – выпалила Гвен, не дожидаясь того, что он собирался ей сказать. Руки дрожали, губы щипало от навязанного поцелуя. – Пожалуйста!

– Простите меня! – искренне попросил сквайр. – Вы – моя гостя, и мне надлежало проследить за тем, чтобы никто...

В памяти вдруг ожили его слова о том, что она может стать для него чем-то большим, а за ними – недавний вопрос мага. «Хотите оставить её себе?» Скрытый в нём намёк сумела бы понять и более неискушённая особа, нежели Гвендолин.

– Не извиняйтесь, альд Линтон. Вы в самом деле... Вы действительно хотите, чтобы я...

– Вы поверили его словам? Гвен, уверяю, я никогда не стал бы склонять вас к незаконной связи! Совсем наоборот!

– Наоборот?

– Должно быть, вы решите, будто я слишком спешу, но... Вы хотели бы стать здесь полноправной хозяйкой? Хотели бы... выйти за меня замуж?

Гвендолин опешила от неожиданности. Даже сказочной замарашке, чудом угодившей на бал, принц сделал предложение лишь поутру, а человек, стоявший перед ней, принцем определённо не был. Он богат, благороден, хорош собой... Но не принц. Не для Гвен...

– Альд Линтон...

– Я не настаиваю на немедленном ответе. Подумайте. Несколько дней, недель, месяцев. Только не лишайте меня надежды сразу. Хорошо?

– Подобный брак посчитают мезальянсом, – пробормотала Гвен. – Вас это не пугает?

– После позора, пережитого по вине бывшей супруги, меня сложно чем-то испугать.

– Хорошо, я... Я подумаю. А теперь...

– Я всего на пару слов, – заявил, входя, Эмрис Торнбран. – Плату я получил, даже большую, чем рассчитывал, теперь обязан поделиться информацией.

– Мне она не нужна! – сердито выпалила Гвен, отступая поближе к хозяину дома.

– Вам так кажется, – нахально осклабился Торнбран, но настаивать на разговоре не стал и тут же вышел.

От смеси безотчётного страха, горького стыда и прочих эмоций, вызванных случившимся, кровь прихлынула к щекам Гвендолин, а на глазах вскипали злые слёзы. Не для того она так долго втайне мечтала о первом поцелуе, чтобы его походя украл какой-то бесстыжий маг!

– Вы не требуете объяснений? – тихо спросила она мужчину, только что предложившего ей стать его женой. Ведь, если он говорил серьёзно, его не может не интересовать то, чему он стал свидетелем.

– Только если вы сами хотите поговорить об этом. Я верю в вашу порядочность. И знаю Эмриса Торнбрана. Не с лучшей стороны, увы.

«Вряд ли у него есть лучшая сторона», – со злостью подумала Гвендолин и, смахнув с ресниц слезинки, принялась рассказывать. О прогулке, о разбойнике с закрытым платком лицом и пистолетом, о неожиданном появлении там мага. Не умолчала она и о своей странной находке.

– Вы забрали себе тот шар? – переспросил альд Линтон, когда она закончила говорить. – Очень опрометчиво с вашей стороны. Не знаю, какое дело до этой вещи Торнбрану, но напавшие на вас головорезы в ней явно заинтересованы. И, возможно, не только они... Понимаете?

Она кивнула, низко склонив голову.

– Что же мне теперь делать? – проговорила с отчаянием.

– У меня есть знакомые маги, кроме Торнбрана, – сказал, недолго подумав, сквайр. – Я поговорю с ними, если хотите. Уверен, они смогут выяснить, для чего предназначена эта вещица.

– Спасибо, – Гвен подняла на него взгляд. – Должно быть, она очень ценная. Мне даже хранить её у себя страшновато. Быть может, вы возьмёте её к себе и тогда уже покажете магам?

– Думаю, это решение. По окончании вечера я мог бы проводить вас и...

– Я бы хотела уехать сейчас, если можно, – попросила Гвен. – Простите, но я не хочу больше встречаться... с некоторыми из ваших гостей.

– Поверьте, он в этом доме не задержится, – мрачно пообещал хозяин. – Но я понимаю ваше состояние. Отправлю вас домой немедленно. Простите, что не смогу проводить – неудобно оставлять других гостей, но я заеду к вам завтра, хорошо? Посмотрим на вашу диковинку.

– Но как же рукопись? – спохватилась Гвендолин.

– Я привезу её вам и передам вердикт издателя. Полагаю, он зачитался. Не будем его сейчас отвлекать.

Карета доставила её в деревню ещё быстрее, чем привезла в дом сквайра. Уже стемнело, в тишине слышался голос приветствующей весну ночной птицы. Гвен тщательно заперла дверь, особенно остро ощущая собственное одиночество. Арчибальда не существовало в действительности. Он не сумел бы заступиться за неё. Как постоял бы за неё отец, если бы остался жив и относился к дочери по-другому. Как встал бы на её защиту брат, который сейчас был бы немногим старше её самой. Но их нет, а единственным, кто готов взять её под свою защиту, оказался Карлион Линтон. И поцелуев он в уплату не потребовал. Лишь попросил подумать о его предложении. Стать его женой. Альдой Линтон, хозяйкой в особняке.

Любая другая девушка на её месте не колебалась бы ни секунды, а тут же радостно ответила бы согласием.

Почему же ей так сложно решиться?..

Глава 10

Новый день начался, а тревоги остались вчерашними. Гвендолин чувствовала себя заводной куклой: всё, что она делала, производилось механически, а душа её в том не участвовала – лишь беспокойно металась пташкой где-то под кучевыми облаками, не находя себе места. К тому же выдался выходной, и не требовалось заниматься с учениками. Возможно, тогда Гвен хоть немного бы отвлеклась. А так пришлось помогать Талуле с уборкой и стиркой, но занятыми оставались только руки, а не голова.

Покончив с делами по дому, Гвендолин пила чай у себя в комнате, перелистывая страницы уже не раз перечитанной книги, которую ей подарили в пансионе за успехи в учёбе. Как она гордилась собой тогда! Как была наивна, веря, что в мире нет ничего невозможного для неё! Теперь на смену восторженным мечтам пришла неуверенность. Но у Гвен ещё оставалась надежда, что история Арчибальда заинтересует издателя. Это стало бы прекрасной компенсацией за пережитые волнения.

– Госпожа Гвенда! – Талула влетела в комнату без стука, бледная и испуганная, словно увидела призрака. – К вам гость! – выпалила она, прижимая ладонь к вздымающейся под серым саржевым платьем груди.

Гвен ожидала альда Линтона и тут же поспешила вниз, даже не подумав, что служанка вряд ли переполошилась бы так из-за приезда сквайра. А стоило бы.

– Это вы? – прошептала она ошарашенно, увидев визитёра.

Эмрис Торнбран огляделся, словно для того, чтобы убедиться, что в классной комнате никого больше нет, и развёл руками:

– Это я. А вы желали бы видеть на моём месте кого-то другого?

Гвен почувствовала, как румянец заливает её щеки, но ей достало сил не отвести глаз.

– Что вам угодно? – спросила она сдержанно.

– Скажем, мне угодно извиниться, – бросил он безразлично. Такой тон никак не сочетался с просьбой о прощении. – Вчера я повёл себя грубо. Не ожидал, что вы окажетесь столь трепетным созданием, но прочитав вашу рукопись, понял, как был не прав. Шутить над вами – всё равно, что смеяться над ребёнком.

– Вы читали рукопись? – Гвен побледнела так же стремительно, как только что краснела. – Но как же...

– Кто-то оставил её в библиотеке. Я заглянул лишь в самое начало. Читать дальше, признаюсь, не смог. Устал смеяться.

Сказанное прозвучало так обидно, что девушке пришлось закусить губу, чтобы сдержать слёзы или не наговорить магу ответных дерзостей. Вместо этого Гвен с достоинством кивнула и проговорила ровным голосом:

– Я принимаю ваши извинения, альд Торнбран. И не смею вас больше задерживать.

– Жаль. Я как раз собирался задержаться. Хотел поговорить с вами о вещи, украденной из моего замка.

– О вещи? – Гвен захлопала ресницами, на которых всё-таки блеснули слёзы. – Значит, он... она ваша?

– Не уверен. В замке Торнбран довольно предметов, о происхождении которых я имею весьма смутное представление. Но то, что попавшая к вам вещица украдена именно оттуда, сомнению не подлежит. Давешние разбойники подтверждают. Выслушали бы меня вчера, уже знали бы. Так что, желаете, чтобы я обратился в Службу Правопорядка, и вы продолжили общение уже с их представителями, или разрешим вопрос без лишнего шума?

Больше всего Гвендолин хотелось выставить неприятного господина за двери и никогда больше с ним не встречаться. Но, если Эмрис Торнбран говорил правду, и шар украден у него, маг вернётся с людьми из Службы Правопорядка. В лучшем случае это чревато сплетнями, которые расползутся по деревне, а в худшем – разоблачением её обмана. Ни того, ни другого нельзя было допустить. Да и разве Гвен не хотела вернуть магическую вещь владельцу? Пусть забирает и уходит!

– Подождите минуту, – попросила она. – Сейчас я его принесу.

Сходить в свою комнату много времени не отняло, но, возвращаясь к гостю, Гвендолин отчего-то замедлила шаг. Шарик привычно согрел руки, и мысль, что его придётся отдать, заставляла девушку с сожалением хмуриться. Но разве у неё был выбор?

Войдя в комнату, где её ожидал альд Торнбран, Гвен подала ему недавнюю находку. Маг протянул руку, но, не успев коснуться шара, резко её отдернул.

– Положите на стол, – приказал он.

Девушка нехотя подчинилась. Почудилось, что шарик не желал покидать её ладонь, сделавшись вдруг тяжёлым, так что Гвендолин пришлось сжать пальцы, чтобы ненароком его не выронить. Но в итоге он всё-таки скатился медленно на столешницу.

– Занятно, – пробормотал альд Торнбран, одарив Гвен подозрительным взглядом.

– Что именно? – любопытствовала она.

– Всё. – Он усмехнулся, как в тот раз, когда просил у неё поцелуй за информацию. – Хотите маленький фокус?

Гвендолин замотала головой, но маг её ответа не дождался. Ткнул в каменный шарик пальцем, и тот откатился на несколько дюймов и потемнел, а золотистые прожилки налились красным, словно кровью.

Гвен поражённо охнула и отступила от стола.

– С вами, полагаю, он так не своевольничает? – спросил Эмрис Торнбран. Он выглядел недовольным и озадаченным. – Можете взять его? Впрочем, о чём я? Он пробыл у вас несколько дней, вы наверняка не раз держали его в руках. Понимаете, что это значит?

– Нет.

– Действительно, где уж вам, – отмахнулся маг. – Шар – магический артефакт. Подобные вещи наделены характером и сами выбирают себе хозяев. Этот выбрал вас.

– Но почему?

– Понятия не имею. Но собираюсь выяснить. Мне, знаете ли, неприятна сама мысль, что артефакт – артефакт, замечу, принадлежащий мне, – выбрал какую-то... учительницу!

Гвендолин оскорблённо вздёрнула подбородок. Учить детей – достойное занятие, и она – не «какая-то». Но магу, увлечённо разглядывавшему потемневший почти до чёрного шар, её чувства были безразличны. Обида вскипала в душе, и Гвен бессознательно потянулась к единственному в последние дни источнику спокойствия. Шар под её рукой снова налился яркой синевой и потеплел – казалось, будь он котом, то замурчал бы.

– Сами видите, – прокомментировал Торнбран. – Чем-то вы ему приглянулись. Правда, ума не приложу, чем.

– Будь я на его месте, тоже бы к вам в руки не пошла! – буркнула девушка и взяла шарик в ладони, точно желая защитить от своего неожиданного визитёра.

– Ой ли? Я, к вашему сведению, умею быть ласковым. И вчера у вас был шанс убедиться.

Гвендолин не успела ответить на очередное дерзкое заявление, когда скрипнула дверь, и появился Карлион Линтон собственной персоной. Он, очевидно, никак не ожидал увидеть у Гвен гостя, ещё и такого. На лице сквайра на миг промелькнуло смешанное с удивлением раздражение, но мужчина тут же взял себя в руки.

– Что вы тут забыли? – спросил он, отвесив магу небрежный поклон.

– Да вот, решил взглянуть на украденную из моего замка вещицу, которая волей случая оказалась не в тех руках.

– Из вашего замка?

– Именно. А вы тут с какой целью? Неужели соскучились? – Эмрис Торнбран недвусмысленно усмехнулся.

– Я приехал, чтобы вернуть Гвен рукопись.

– И... вас ничего не просили мне передать? – выдохнула она, с надеждой глядя на альда Линтона.

– Мой друг сказал, что история неплоха, – ободряюще улыбнулся тот. – Но над ней нужно ещё поработать. И, конечно же, завершить. Тогда он непременно прочтёт её полностью и вынесет окончательное решение. Я со своей стороны готов поспособствовать тому, чтобы оно было положительным.

– О, благодарю вас!

– Какая банальная сцена! – фыркнул маг, бросив взгляд на рукопись, которую сквайр положил на стол. – Простушка и её покровитель! Вас в пансионе не учили, какова цена бесплатного сыра?

– Вы явились сюда обсуждать цены на сыр? – не смолчала Гвендолин. Её злость на Торнбрана сейчас была сильнее страха перед ним.

– Цель своего визита я обозначил сразу, – невозмутимо отозвался маг, кивнув на шар, который Гвен так и не выпустила из рук.

– Это... хм... то, о чём мы говорили вчера? – Карлион Линтон только сейчас заметил артефакт. – Я помню о своем предложении найти консультанта. Собственно, поэтому и приехал так поздно. Мой хороший знакомый – уважаемый маг. Он дожидается в экипаже, и если вы не против...

– Я против, – вмешался Эмрис Торнбран. – Или вы не поняли, о какой украденной у меня вещи идёт речь? Так с какой стати собираетесь показывать постороннему магу моё имущество? И что это вообще за маг?

– Господин Гринфальд, – после небольшой заминки ответил альд Линтон.

– Неужели? – уточнил Торнбран недоверчиво. – Вам удалось вытащить старика из его берлоги?

Гвен подумала, что господин Гринфальд действительно очень уважаемый маг, если даже этот наглец перестал пренебрежительно усмехаться, услышав имя консультанта.

– А знаете, – растянул он, – я передумал. Пригласим его. Интересно услышать стороннее мнение.

«Потому что собственного мнения у вас, альд Торнбран, нет!» – мысленно позлорадствовала Гвен, вспоминая, каким озадаченным стало лицо мага, когда сбежавший от него шарик пригрелся в её руках. Строит из себя всемогущего чародея, запугивает, а сам, небось, только на дешёвые фокусы способен!

От таких рассуждений Гвен взбодрилась, но едва альд Линтон вышел, чтобы позвать своего консультанта, Эмрис Торнбран обернулся к ней, и тело снова парализовало страхом.

– Я не силён в том, что касается артефактов, – проговорил маг, – но это не значит, что не силён ни в чём.

У Гвен похолодело внутри: неужели он читает мысли?

Маг насмешливо фыркнул:

– Ваши мысли написаны у вас на лице.

Хотел добавить ещё что-то, но, на счастье Гвендолин, вернулся альд Линтон в компании опиравшегося на трость сгорбленного старика. Видимо, как и все пожилые люди, господин Гринфальд мёрз даже в тёплую погоду и потому так плотно укутался в тёплый плащ с капюшо-

ном. Наружу торчал только длинный сморщенный нос, на котором блестели очки с толстыми стёклами.

Войдя в класс, старик тут же, не тратя время на приветствия и представления, направился к Гвен и, сгорбившись ещё сильнее, уставился на шарик в её руках.

– Прекрасно, просто прекрасно, – услышала она сиплый шёпот. – Странно, но прекрасно, да... Но всё же странно...

– Мне тоже так кажется, – подал голос Эмрис Торнбран.

– Да? – господин Гринфальд обернулся к нему, словно лишь сейчас заметил, что в комнате ещё кто-то есть. Потом развернул свой нос к Гвен. – Не принесёте мне воды, дорогуша?

– Воды?

– Да-да, воды. В горле пересохло. А шарик оставьте пока, оставьте. Вот сюда положите, – он указал на стол, как и Торнбран, не рискнув взять артефакт в руки.

А ещё оба мага отчего-то считали Гвен глупой простушкой. Эмрис Торнбран – когда насмехался над ней, а господин Гринфальд – когда решил, будто она не догадается, что вода – лишь предлог, чтобы выставить её из комнаты, где, возможно, будет решаться её судьба.

Гвендолин вышла в коридор, дошла до лестницы, громко стуча каблучками, а затем тихо вернулась обратно. Конечно, подслушивать нехорошо, но разве можно позволить, чтобы кто-то решал за неё её же участь?

– ...сложно сказать, для чего он предназначен, – доносился через дверь голос старика. – Никогда не видел подобного. Но мощь его сложно не почувствовать, да. Что до привязки, то она пока не сформировалась. Всё зыбко...

– Значит, можно просто забрать артефакт? – спросил Торнбран, как почудилось Гвен, с облегчением.

– Ни в коем случае! – запротестовал господин Гринфальд. – Я же сказал, связь неустойчива... Но сильна! Неизвестно, как артефакт отреагирует на разлуку с владельцем.

– Владелец вообще-то я, – угрюмо напомнил Эмрис Торнбран.

– Но не для шарика, не для шарика... В лучшем случае он от вас сбежит... потеряется...

А если сожжёт ваш замок и убьёт вас?

– Но Гвенда... – начал альд Линтон.

– И Гвенда тоже, – прервал его старый маг. – Что с ней будет?

«Что?» – испугалась Гвендолин. Неужели ласковый шарик способен убить и её?

– Она может не пережить разлуку с артефактом, – сказал господин Гринфальд. – А тот в свою очередь это почувствует и начнёт мстить тому, кто их разлучил... Или вообще всем вокруг... Так что на данном этапе забрать артефакт можно только с девушкой...

– Я согласен! – рассмеялся Торнбран.

Гвен со злостью сжала кулаки и прикусила губу.

– И думать не смейте! – осадил наглеца Карлион Линтон.

– Нужно дождаться, когда привязка стабилизируется, – невозмутимым учительским тоном произнёс старый маг. – Только тогда её получится безболезненно разорвать, хоть и потребуется время...

Решив, что услышала всё, что нужно, Гвен на цыпочках прокралась к лестнице. Поднялась на кухню, налила воды в стакан и с ним вернулась в классную комнату.

– Спасибо, дорогуша, – поблагодарил старик, отпив всего глоток. – Всего доброго.

– Я тоже прощаюсь, – огорошил Эмрис Торнбран. – До завтра. Ваш благодетель объяснит причину, по которой вам придётся потерпеть мои визиты какое-то время.

– Альд Торнбран! – возмутился Карлион Линтон. – И речи не было...

– А теперь есть, – заявил маг. – Я не намерен оставлять свою вещь без присмотра. Но если вы против того, чтобы я навещал госпожу Грин в её доме, могу предложить другой выход.

Заявлю о краже шара и буду навещать вашу подопечную уже в тюрьме, пока Служба Правопорядка определит степень её причастия к преступлению

С этими словами он, не прощаясь, вышел за дверь, оставив альда Линтона объяснять Гвен то, что она и так уже знала.

Глава 11

Альд Линтон старался смягчить нерадостные известия и ничего не сказал о том, что из-за артефакта жизни Гвендолин может грозить опасность, но она сама в это не верила. Тёплый переливчатый шарик не причинит ей вреда. Относительно некоторых людей такой уверенности не было.

– Хотелось бы оградить вас от общения с таким человеком, как Торнбран, – произнёс сквайр со вздохом. – Мне приходится по-соседски поддерживать с ним отношения, но их семейство и прежде не вызывало у меня тёплых чувств, а теперь...

– Семейство? – Гвен гадливо поморщилась, представив себе дюжину Эмрисов Торнбранов, собравшихся за одним столом.

Из следующих слов альда Линтона стало ясно, что она напрасно дала волю фантазии, семейство было не настолько большим. Прежним владельцем замка и прилегавших к нему земель являлся Сайлас Торнбран. Не так давно он скончался, оставив наследником племянника – Эмриса, которого, как и дядюшку, соседи не слишком любили, и Гвен прекрасно их понимала. А ведь была ещё какая-то история с убийствами, о которой говорил Марк Бенсон!

Невзирая на сложность положения, в котором ей не посчастливилось оказаться, Гвендолин ощутила знакомое щекощущее чувство, наверняка известное каждому писателю. Когда кажется, что любопытная история совсем рядом – поблескивает заманчиво, как рыбка в прозрачной воде. Нужно только изловчиться и ухватить её за скользкий хвост. Однако человек, который мог удовлетворить любопытство Гвендолин, не углублялся в историю замка, прозванного у деревенских жутким. Его волновала судьба Гвен, да и самой ей следовало озаботиться в первую очередь именно этим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.